

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР №1
по версии New York Times

САРА ДЖИО

Среди тысячи лиц

*Посвящается любви,
минувшей и настоящей,
но главным образом той,
что длится вечно.*

Annotation

Кайли и Райан любят друг друга той чистой и спокойной любовью, которой многие могут только позавидовать. Но однажды на выходе из ресторана Кайли замечает бездомного мужчину. С ужасом она узнает в нем Кэйда, некогда успешного продюсера, которого очень любила, покуда он не оставил ее, так и не соизволив объясниться. Неужели это действительно он? Друг Кэйда, Джеймс, отрицает подобную возможность, а жених Кайли с каждым днем тревожится все больше — слишком уж сильно она увлеклась своими странными фантазиями...

Сара Джо Среди тысячи лиц

Sarah Jio
ALWAYS

© Крупичева И., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Посвящается любви, минувшей и настоящей, но главным образом той, что длится вечно

Имейте смелость довериться любви еще раз, снова и снова.

Майя Энджелу

Глава 1

15 ноября 2008 года

— О нет! Ну почему я *всегда* так делаю? — сказала я своему жениху Райану, когда мы вошли в ресторан.

— Что делаешь, детка?

— Забываю сумочку в машине.

Мы только что оставили машину на парковке. Когда мы выглянули в окно, парковщик как раз занимался белым «БМВ» Райана.

— Сейчас я за ней схожу, забывчивая ты моя. — Он чмокнул меня в щеку. — А ты садись за столик. Я вернусь через минуту.

Четыре года назад мы встретились на нашем первом свидании во французском ресторане «Ле Марше» на Четвертой авеню, где столик надо было бронировать за пять месяцев. Каким-то образом Райану удалось организовать его для нас. Точно так же он заполучил его и этим вечером. Судя по всему, моему жениху под силу двигать горы.

— Я хочу, чтобы сегодня у нас был идеальный вечер, — заявил он, выкладывая мне новость о забронированном столике. Райан взял меня за руку так, словно никогда не собирался отпускать ее. Бриллиант, куда более внушительного размера, чем мне бы хотелось, сверкнул на моем безымянном пальце. Мы собирались пожениться в июле в Фэрмонте.

— У вас забронирован столик? — спросил администратор, когда я раздевалась в гардеробе.

— Да, — ответила я. — На двоих, фамилия Уинстон.

Трудно поверить, но через несколько месяцев я стану миссис Райан Уинстон. Вот-вот я возьму фамилию Райана. Он этого хотел, да и я, пожалуй, не откажусь. У нас будет семья *Уинстонов*, доверенных лиц Гейтсов и Нордстромов. Это известная фамилия, и принадлежать к ней — это честь.

Но я всегда была Кайли Крэйн. *Кей-Кей*, хотя на самом деле меня никто так не называл класса с шестого. И все же непросто вот так взять и отказаться от своей фамилии. Я крепко зажмурилась, потом снова открыла глаза, пытаюсь прогнать воспоминание, пробивавшееся в моем сознании.

— Прошу вас, следуйте за мной, — сказал администратор и повел меня к уединенному столику у окна. Я посмотрела через стекло на улицу и отметила, что капли дождя превращают уличные фонари в драгоценные камни. Сиэтл может быть старым серым джентльменом, но он все равно продолжает сверкать под покровом облаков. Я нервно подтянула повыше правый рукав платья, как делала это всегда, когда мне приходилось общаться с людьми из высшего общества, к которому принадлежал и Райан. Ему не слишком нравится татуировка на моем плече. Пожалуй, я и сама от нее не в восторге. Рисунок, наколотый десять лет назад, слишком дерзко напоминал о прошлом, которое не стало будущим, о мечтах, растворившихся в воздухе. Я не смогла воплотить их в реальность, и все же слово *Toujours*, означающее в переводе с французского «всегда», оставалось начертанным на моей коже. Я потеряла плечо, желая, чтобы в моей руке оказался волшебный ластик.

Я села за столик, положила на скатерть мобильный телефон и стала рассматривать проходящие мимо ресторана пары, прятавшиеся от дождя под капюшонами или зонтом. Женщина лет двадцати с небольшим вцепилась в своего приятеля или мужа, и они

расхохотались, осторожно обходя грязную лужу. Эта сцена перенесла меня в те дни, когда я, двадцатидвухлетняя, и Трэйси переехали в Сиэтл. В те времена мы смотрели на жизнь широко открытыми глазами и были идеалистками. Мы верили в любовь и в хеппи-энд.

Забавно, как все обернулось.

Я поймала свое отражение в оконном стекле. Мои каштановые волосы до плеч распушились, видно, зря я потратила столько времени, выпрямляя «утюжком» свои густые, от природы волнистые пряди. И зачем я этим занималась? Разве Райан не повторял мне, что ему нравятся мои кудри и зеленые глаза? И веснушки на носу? Я улыбнулась. Теперь моя жизнь была наполненной. Я работала в «Сиэтл Геральд», собиралась перестраивать деревянный дом в ремесленном стиле в Уоллингфорде, тот самый, который я купила вместе с... Райаном, разумеется.

Я улыбнулась, когда он вошел в ресторан с моей сумочкой.

— На улице просто потоп, — сказал Райан, протягивая мне черную сумочку от «Майкл Корс», которую он подарил мне на прошлое Рождество, и провел рукой по мокрым волосам. Красивый — только так можно описать его внешность. Классическая красота. Первое впечатление Трэйси, которым она шепотом поделилась со мной в туалете ресторана в тот вечер, когда я представила их друг другу, прозвучало так: оживший диснеевский принц. Райан таким и был. Высокий, мускулистый с густыми темными волосами. Дайте ему щит и белого коня, и перед вами окажется точная копия принца из мультфильма, который поразил Золушку в самое сердце. Мне повезло.

Райан потянулся через стол и накрыл мою руку своей.

— Я позвонил заранее, чтобы убедиться, что у них есть твое любимое бордо. Помни, наш идеальный вечер только начинается.

Когда он поднес мою руку к своим губам, я улыбнулась.

— Каждая деталь имеет значение, — добавил он с милой улыбкой. — Последнее время ты была несколько отстраненной, и сегодня я хочу сделать для тебя все, чтобы тебе понравилось.

Я покрутила на пальце помолвочное кольцо и кивнула. Райан всегда умел «читать» меня, возможно, даже лучше, чем я сама себя понимала.

— С того момента, как я стала делать репортажи о бизнесе в Сиэтле, работа превратилась в настоящий ад, — ответила я. — А теперь нужно обязательно закончить серию статей о площади Пионеров.

Первую из трех опубликовали как раз сегодня. Я не сомневалась, что Райан ее прочитал, но мы договорились не обсуждать все вопросы, в которых наши профессиональные интересы расходятся. Он умный человек и достаточно проницательный, чтобы понимать: стоит ему заговорить о моей статье, как вечер будет непоправимо испорчен, еще не успев начаться.

Райан обошел наше правило и перевел разговор на мнения тех людей, которых не было вместе с нами за этим удобным столиком на двоих.

— Знаешь, многие мои коллеги думают, что следовало бы взорвать дома в этом радиусе из шести кварталов.

Я покачала головой.

— Это ты говоришь или твоя команда по управлению рисками?

— Сложно игнорировать тот факт, что там одни наркоманы, пьяницы и бродяги. Там и пары футов невозможно пройти, чтобы не наступить в человеческие экскременты.

— Что ж, — сказала я, размышляя, перевесит ли удовольствие от доказательства моей

правоты романтические планы Райана на этот вечер, — этим людям требуется помощь. Но этим занимается только миссия «Евангелие надежды». В моем понимании жизнеспособность благотворительной организации состоит в том, чтобы хоть как-то облегчить жизнь нуждающихся. Ты не можешь обвинять меня в том, что я хочу, чтобы организация работала.

Подошел сомелье и, откупорив заранее выбранную Райаном бутылку красного вина, разлил вино по бокалам.

— Милая, — нежно произнес Райан, когда я сделала первый глоток, — у тебя самое большое сердце, других таких людей я не знаю. Как я мог бы винить тебя за что бы то ни было?

Я подумала о своих статьяx и о том, сколько усилий я приложила к тому, чтобы не позволить эмоциям взять верх над непредвзятой позицией репортера. В первой половине этого дня я взяла интервью у руководителя Миссии, корпулентной дамы по имени Мелисса. Она заглядывала мне в глаза и практически умоляла меня защитить их организацию от тех самых девелоперов, с которыми работал Райан. Застройщики горели желанием построить дорогие многоквартирные дома, заодно согнав с насиженного места сотни бездомных бродяг.

Согласна, площадь Пионеров и ее окрестности — это не самое приятное место в Сиэтле. Снос существующих домов и новое строительство могло бы вдохнуть свежую жизнь в эти улицы. Но Райан нарисовал слишком мрачную картину места, которое я любила много лет назад и люблю до сих пор. Любой неравнодушный к судьбам других людей человек поймет, что новая застройка этих кварталов приведет не только к закрытию миссии «Евангелие надежды», но и к уничтожению тысяч дешевых квартир и двух приютов для бездомных. Таким образом, интересы девелоперов, многим из которых Райан помогал осуществлять финансовые вложения, противоречили интересам города Сиэтла.

— Думаю, мне просто нравится это место, именно такое, как сейчас, — сказала я. — В этих кварталах ощущается старый Сиэтл. Понимаю, у него неприглядный вид. Но там живут много людей.

— Кажется, и ты там когда-то жила?

На этот вопрос я предпочла бы не отвечать, поэтому я принялась раскладывать на коленях салфетку.

— Нет, — наконец ответила я, — но я была знакома с тем, кто там жил.

Я не призналась в том, что долгие годы интерес к этому человеку не оставлял меня в покое, временами разъедавая меня, словно раковая опухоль. Я мучила Google, но Кэйд, казалось, не только ушел от меня, но и исчез с поверхности земли. Но теперь эта история осталась в прошлом.

Райан подозрительно поднял бровь.

— И кто же этот человек?

— Никто, — пробормотала я, отчаянно желая сменить тему. Мне настолько же сильно не хотелось говорить о моей прошлой любви, как не хотелось слушать о личной жизни Райана, особенно о женщине, с которой он встречался до меня. Ее звали Ванесса, она была красавицей с Юга. Их с Райаном отцы, оба благородного происхождения, были лучшими друзьями и магнатами в мире недвижимости со связями на Восточном и Западном побережьях. Именно она должна была стать миссис Райан Уинстон — ко всеобщей радости — до того, как в его жизнь вошла я и разрушила эти коллективные планы. Представьте только выражение их лиц: «Мама, папа, это Кайли. Я люблю ее. И у нее татуировка!»

Когда в самом начале наших отношений я попыталась обсуждать ситуацию с Райаном, он ответил прямо:

— Ты же знаешь, что нам с Ванессой суждено было стать лучшими друзьями. Мы выросли вместе.

— Но она все еще тебя любит, — заметила я, и мое сердце пропустило удар.

Райан покачал головой.

— Нет, она меня не любит.

— Райан, я женщина, и я вижу, как она на тебя смотрела в Западной Виргинии.

Она приезжала со своей семьей в Гринбрайер на ежегодный праздник, в котором Райан, его семья и их друзья традиционно принимали участие, как делали это их предки. Мужчины играли в гольф, женщины общались за ланчем. Я сумела пережить эту пытку только благодаря сочувствию одного официанта, который плеснул в мой сладкий чай немного бурбона.

Призрак — так Трэйси называет юношеские влюбленности. Им нельзя позволить задерживаться.

Я посмотрела на своего жениха, выпрямившегося в кресле. Да, мы пришли в мир из разных мест и смотрим на него по-разному. Но Райан захотел быть со мной, а я не хотела отказываться от него. Наше прошлое закончилось. Райан стал моим настоящим. Я была благодарна за то, что наши некогда отдельные пути соединились и этим вечером привели нас сюда вместе. Мы теперь вместе навсегда. Навечно.

— Я так тебя люблю, — прошептала я, скользя рукой по белой скатерти и дотрагиваясь до его пальцев.

— И я тебя люблю, — ответил он с таким чувством, что я, клянусь, ощутила эти слова всей душой.

А дождь между тем стучал в окно. Полная луна выглянула в небольшой просвет между тучами, отчаянно пытаюсь вырваться из-за облачного занавеса. Суперлуние, сказала Трэйси. Врач, не чуравшаяся мистики, она то и дело говорила о каком-то астрологическом явлении, которое, судя по всему, происходило этим вечером. И хотя меня астрология совершенно не интересовала, я все-таки ждала и любила ее ежедневные сообщения. Почему-то я испытывала особый прилив сил, когда меня аккуратно направляла моя лучшая подруга.

И теперь я гадала, не объясняет ли метафизика нетерпение Райана. Я задумалась об этом, отпивая вино и смакуя его во рту, одновременно бархатистое и пряное. Я услышала характерное потрескивание внутри бокала, и в голове мгновенно всплыло болезненное воспоминание. Как и всегда, я прогнала его прочь, далеко-далеко, где ему было самое место. Я давно перестала чувствовать боль в сердце, с которой я так долго жила.

Пусть я не поставила точку, но вкусила мудрость. Тот, кому хотя бы раз разбивали сердце или всего лишь ранили его, знают, что в фактах присутствует окончательность. Он ушел. И я поняла, что, если человек хочет уйти, вы его отпускаете.

Райан снова наполнил вином мой бокал и начал рассказывать, как прошел его день. Я узнала о том, что один из его коллег уснул во время совещания, на котором присутствовал президент компании. Все могло кончиться печально, если бы Райан не включил будильник на своем мобильном и не разбудил коллегу. У меня даже глаза защипало от его доброты, а лицо расплылось в улыбке.

— Я счастлива, — неожиданно произнесла я. Слова сорвались с моих губ или, возможно, вырвались из самого сердца. Я не смогла их удержать. — Ты делаешь меня такой

счастливой.

Райан подмигнул мне и помахал рукой, подзывая официантку. Через секунду она уже стояла возле нашего столика.

— Принесите мне, пожалуйста, негрони.

— Сию минуту, сэр. — Официантка направилась к бару.

Мы ели лосося с картофелем, поджаренным на утином жире, и креветки.

— Островаты, на мой взгляд, — оценил Райан, откусывая кусочек. — А ты что скажешь?

Райан разбирался в еде, это было необходимо для жениха девушки-гурмана, и все же в отличие от меня он не любил острое. Невозможно поверить, но я едва не обеспечила ему ожог языка третьей степени, когда в первый раз приготовила ему завтрак. Соус «Табаско», которым я приправила омлет, оказался не слишком удачной идеей. Я усвоила урок.

— Может быть, закажешь что-то другое? — предложила я, но Райан ответил, что он счастлив видеть, как я наслаждаюсь едой. Мы заговорили о свадьбе. Если в разговоре возникала неожиданная пауза, когда кто-то из нас обдумывал ключевую деталь, наши взгляды устремлялись в разные уголки ресторана. Мы дополняли друг друга. Это было комфортно и мило, как и вообще жизнь с Райаном, нынешняя и будущая. Я допила еще один бокал вина, все более расслабляясь.

Райан оплатил счет, и мы направились к выходу.

— Почему бы тебе не подождать здесь, пока я заберу машину? — спросил он, когда я застегивала черное шерстяное пальто и забирала остатки торта. Это был подарок шеф-повара, который наша официантка аккуратно упаковала в контейнер.

Дождь перестал, но стало очень холодно.

— Ты такой заботливый, — ласково улыбнулась я. — Спасибо, милый.

Я смотрела ему вслед, когда он шел по тротуару в своем идеально сшитом костюме. Мне повезло, я знала это. Такой мужчина, такой красавец. Он успешный и забавный, смотрит только на меня. Райан — само совершенство. Я сделала глубокий вздох и кивнула.

Я видела в окно, как возле ресторана бородатый бездомный подошел к паре, ожидавшей свой автомобиль. Паре это явно не понравилось, они отвернулись от него и отступили в сторону. Мужчина пожал плечами и уселся по-турецки на тротуар.

Администратор покачал головой.

— Прошу прощения за это, — извинился он. — Как только они начинают околачиваться здесь, от них очень трудно избавиться.

— Возможно, он голоден, — предположила я. — Не осталось ли у вас на кухне что-нибудь для него?

Мужчина покачал головой.

— При всем моем уважении, мисс, мы не кухня для бездомных. И потом, они обычно просят деньги. На наркотики, вероятно.

Я не зря собирала материал для статей и знала, что это распространенное мнение. Но бездомные не всегда были наркоманами. Есть сотни других причин, по которым люди оказываются на улице. Но об этом мне лучше рассказать в газете, а не во время неожиданного разговора.

Я вышла на тротуар и бросила осторожный взгляд на бездомного. Он был болезненно худым, одежда буквально висела на нем. Я вспомнила о пакете с куском торта, оставшегося от нашего ужина, и подошла к нему поближе. Если бы я могла предложить ему что-то посущественнее... Но в выпечке есть яйца.

— Прошу прощения, — обратилась я к нему. Он как будто меня не услышал, поэтому я повторила чуть громче: — Прошу прощения, у меня тут немного еды. Может быть... возьмете?

Бездомный поднял на меня глаза, и, когда наши взгляды встретились, его лицо показалось мне невероятно знакомым, но я не могла вспомнить, откуда я его знаю. Я выпустила из рук пакет, и он упал у моих ног на мокрый после дождя тротуар. Мой мозг лихорадочно работал, и на меня нахлынули воспоминания, как будто вырвавшись из перевернутого ящика с документами. Если мужчина меня и узнал, то его глаза этого не показали. Нас осветили фары, и я услышала, как остановилась машина. Обернувшись, я увидела подъехавшего Райана. В эту секунду мужчина протянул костлявую руку к пакету и вытащил контейнер с едой. Он посмотрел на него, а потом нерешительно открыл. Я заметила его голодный взгляд. Пальцы бездомного схватили кусок торта, он запихнул его в рот, и крошки повисли на бороде.

Райан опустил окно.

— Кайли, все в порядке?

Я кивнула и отступила назад, потом, как будто замороженная, подошла к машине и села.

Я не сказала Райану, что со мной не все в порядке.

Я не сказала Райану, что знаю этого человека.

Я не сказала ему, что этого мужчину зовут *Кэйд* и когда-то он был любовью моей жизни.

19 апреля 1996 года

— Ты веришь в существование родственных душ? — спросила меня Трэйси, лежавшая с книгой в руках на футоне в квартире, которую мы вместе снимали в Сиэтле. Увидев в первый раз стену из неотделанных кирпичей и окна от пола до потолка, мы мгновенно влюбились в это пространство, хотя оно было меньше моей спальни в родительском доме. Двум людям не следует жить в студии размером с коробку для обуви. Но двум выпускницам колледжа, захотевшим жить в самом крутом здании на Первой авеню с видом на бухту Эллиотт, пришлось с этим смириться. К счастью, Трэйси не храпела.

— Нет, — ответила я подруге, глядя, как ловко двигается ее запястье, когда она собирает длинные темные волосы в изящный конский хвост. Она была красива естественной красотой: высокие скулы, гибкая фигура и врожденное чувство стиля. Трэйси могла бы заработать кучу денег в качестве модели, вот только она скорее выколола бы себе глаза, чем стала позировать перед камерой.

В Чикаго мы были соседками по комнате в общежитии колледжа. После выпуска мы долго вместе разглядывали карту Соединенных Штатов и сошлись на Сиэтле. Неделей позже мы утрамбовали все наши пожитки в багажник старенькой «Субару» со сломанной магнитолой, принадлежавшей отцу Трэйси, и отправились на другой конец страны в самый дождливый ее город. Мы часами пели, чтобы не уснуть за рулем, и никогда не попадали в ноты. В том же месяце я получила место младшего репортера в газете «Сиэтл Геральд». Трэйси целыми днями занималась, готовясь написать экзаменационный тест для поступления в медицинскую школу. Кажется, наши мечты начинали осуществляться.

— Если проводить дома каждый вечер, то у тебя ничего не получится, моя дорогая, — объявила Трэйси, откладывая книгу и подталкивая очки на носу чуть повыше.

Я налила себе кофе из той кофемашины, которую бабушка купила мне перед отъездом в колледж, и плюхнулась в потрепанное кресло яйцевидной формы из ИКЕА, стоявшее у окна. Мы обе были ходячей рекламой ИКЕА.

— Ты читала свой гороскоп? — спросила Трэйси.

— Тебе отлично известно, что я в это не верю.

— Что ж, тогда я прочту его вместо тебя.

Трэйси взяла с кофейного столика газету, перевернула несколько страниц, а потом примерно с минуту читала про себя.

— Ага, тебя ждет новая любовь, — сообщила она наконец и кивнула. — Но тут сказано: «Ты должна открыться ей, пойти навстречу. Не оставайся дома, сделай что-нибудь спонтанное и неожиданное. Никогда не знаешь, кого ты можешь встретить».

Я округлила глаза.

— Пойдем сегодня вечером с нами! — воскликнула Трэйси.

Она встречалась с парнем по имени Марк, будущим хирургом, учившимся в ординатуре в больнице при университете Вашингтона. Он был высоким, с редующими волосами и громким смехом. Как только у них одновременно выдавался свободный вечер, что случалось не слишком часто, Марк водил Трэйси на концерты или спектакли, приглашал на прогулку вокруг озера Грин. Порой я думала о том, что и мне нужен такой Марк, и была не против, чтобы кто-то водил меня в театр, на фермерский рынок или в филармонию.

— Марк купил билеты на концерт Mazzy Star^[1] в клубе «Крокодил».

— Согласившись на твое предложение, я попаду на свидание вслепую? — поинтересовалась я, подняв левую бровь.

— Ну и что, — Трэйси лукаво улыбнулась, — его друг Эрик тоже там будет.

Я наблюдала за паромом, медленно выходящим из залива.

— Не знаю, — наконец ответила я.

— Тебе стоит пойти с нами хотя бы только потому, что ты любишь Mazzy Star.

— Я действительно люблю Mazzy Star, — усмехнулась я.

Трэйси кивнула.

— Вот и хорошо. Значит, решено.

* * *

Дождь только начался, когда Трэйси, Марк и я оказались под навесом у входа в клуб, где татуированная женщина с короткой челкой и кольцом в носу проверила наши билеты. Внутри было темно, из динамиков над головой неслась музыка, которую я не узнала. В воздухе плавал табачный дым, и каждый третий вокруг нас был в ботинках «Док Мартенс». Я любила Сиэтл.

— Эрик подойдет с минуты на минуту, — сказал Марк. — Девушки, принести вам что-нибудь выпить?

— Мне водку с содовой, — ответила Трэйси.

— И мне то же самое, — сказала я, и Марк послушно направился к бару.

Трэйси толкнула меня локтем в бок.

— Марк говорит, что Эрик — один из самых лучших ординаторов в больнице.

Я пожала плечами.

Моя подруга улыбнулась:

— Просто повеселись. Кто знает, вдруг он тебе в самом деле понравится. И потом...

Вдруг кто-то налетел на меня, и я сделала шаг назад. Это оказался парень с профессиональным фотоаппаратом. Когда вспышка погасла, он опустил его.

— Прости, пожалуйста, — с улыбкой извинился «фотограф». — Я не видел, что ты тут стоишь.

Он был чуть старше меня: темные волосы, синие глаза, на подбородке пробивается щетина. Его сапоги и выцветшая клетчатая рубашка намекали на его причастность к музыкальной сцене, и все же в нем было нечто совершенно уникальное. По его улыбке я не могла сказать, уверен ли он в себе или просто нахален. Возможно, то и другое сразу.

— Здорово выглядит сцена при этом освещении, правда? — Он поднял фотоаппарат и сделал несколько снимков. — У Хоуп один из самых завораживающих голосов, — продолжал парень. — Но она, знаешь ли, скромница. В ней нет ничего от тех певиц, которые считают, что у них божий дар.

Я сощурила глаза:

— Ты так говоришь, словно знаешь ее.

— Знаю. — Он улыбался только мне.

Определенно, наглец.

— Я заключил с ней контракт для моей фирмы пять лет назад, — продолжал он. —

Всего лишь сольный альбом, но мне нравится думать, что это стало для нее хорошим стартом.

— Твоей фирмы?

Парень подмигнул мне:

— Я кручусь в музыкальном бизнесе. Ты наверняка слышала промо-песню Хоуп, чистое волшебство. — Он слегка постучал себя по груди. — Ее просто чувствуешь, и все.

— Что ты имеешь в виду? — осторожно спросила я, заинтригованная.

Он приблизился ко мне.

— Хорошая музыка *трогает*, она даже *меняет* тебя.

Он взял меня за руку и прижал ее к моей груди, отчего по моей коже побежали мурашки.

— Вот здесь ее ощущаешь. Талантливый артист может создавать музыку, которая касается самого сердца.

Он отпустил мою руку, но я продолжала прижимать ее к груди.

— В любом случае я всегда ищу именно таких артистов.

Вернулся Марк с напитками, и я наконец-то опустила руку.

— Я Кэйд, — назвал себя парень.

Мы смотрели друг другу в глаза. Потом он протянул руку, и мне показалось, что, кроме нас, в клубе больше никого нет. Я вяло пожала ее:

— Кайли Крэйн.

— Кей-Кей, — улыбнулся он.

Марк откашлялся, и только тут я заметила, что рядом с ним стоит высокий кудрявый темноволосый парень в белой рубашке, заправленной в джинсы, оказавшихся на дюйм короче, чем следовало бы.

— Кайли, познакомься, это *Эрик*.

— Что ж, — с улыбкой сказал Кэйд и подчеркнуто поклонился, — рад был с тобой познакомиться. Наслаждайся шоу.

Я чувствовала, что Эрик смотрит на меня.

— Марк сказал мне, что ты журналистка, — с готовностью начал он разговор.

— Ага, — подтвердила я, отпивая глоток из стакана. Коктейль оказался крепким и пах резиной. Я даже вздрогнула, когда напиток спустился в пищевод. — Я пишу репортажи для «Сиэтл Геральд», но моя любимая тема — это еда.

Я невольно проследила взглядом за Кэйдом и заметила, как он положил руку на плечо привлекательной блондинки.

— А ты чем занимаешься? — спросила я, усилием воли заставляя себя посмотреть в лицо Эрику. — На чем ты специализируешься в хирургии?

— На ступнях, — ответил он.

Я было рассмеялась, но мгновенно замолчала, когда увидела, что выражение лица Эрика не изменилось. Не появилось даже намек на улыбку.

— То есть... ты не шутишь, нет? Ты действительно специализируешься на... — я остановилась, чтобы взять себя в руки, — ...на ступнях?

— Да, — серьезно ответил друг Марка. — Я, возможно, пристрастен, но я считаю, что пальцы ног, щиколотки, пятки — это самые удивительные части тела. Разве ты со мной не согласна?

— Ну, — я изо всех сил сдерживалась, чтобы не расхохотаться, — не то чтобы я много думала... э... о ступнях. Но я полагаю, что они... гм... да, действительно просто

потрясающие. С их помощью мы оказываемся там, где нам нужно.

Эрик опустил взгляд на мои ступни, но в этот момент на сцену вышла «разогревающая» группа и заиграла песню, которую я не узнала. Толпа разразилась аплодисментами. После двух песен хирург-ортопед наклонился ко мне.

— Возможно, мои слова покажутся тебе слишком смелыми, — сказал Эрик с улыбкой, — но я готов держать пари, что у тебя очень красивые ступни. — Он приподнял бровь. — Я бы хотел их когда-нибудь увидеть.

Я едва не поперхнулась коктейлем.

— Пожалуй, мне нужен еще один коктейль, — констатировала я, отодвигаясь от Эрика.

— Позволь мне принести тебе выпить, — предложил ортопед.

— Нет-нет, — быстро отказалась я. — Там огромная очередь. Я лучше сама.

Эрик кивнул, плотнул пива из банки, которую бережно держал в руке, и повернулся к Марку, чтобы что-то сказать ему. В этот момент я готова была убить Марка, да и Трэиси заодно. Пробравшись через толпу к бару, я снова заказала водку с содовой, на этот раз двойную.

— И мне то же самое, — произнес Кэйд, неожиданно возникший рядом со мной.

Я нервно улыбнулась ему и повернулась к сцене.

— Ну и как проходит твое свидание?

— Это *не* свидание, — запротестовала я.

— Да ладно тебе! Это ваше первое свидание, на вас обоих это было написано, — с удивленной улыбкой произнес Кэйд.

— Хорошо, — уступила я, — но ты должен знать, что я на такое не подписывалась, и все получилось неудачно.

— Поэтому ты сбежала в бар.

— Сбежала.

— Чем этот парень занимается?

— Он врач. Специализируется... — я сделала паузу и улыбнулась, — ...на ступнях.

— Не может быть!

— Может. Он попросил разрешения взглянуть на мои.

— Печально.

— Вот именно.

Бармен принес нам две водки с содовой, и, прежде чем я успела открыть рот, Кэйд попросил его записать выпивку на его счет.

— Послушай, — он сделал глоток, — у меня появилась идея.

— Какая? — с любопытством поинтересовалась я.

— Может быть, ты позволишь мне испортить твое свидание?

Я удивленно посмотрела на него.

— То есть твое не-свидание. — Кэйд улыбнулся. — Хочешь сбежать за кулисы?

— За кулисы?

— Точно. Сможешь посмотреть остальную часть шоу с самого лучшего места и избежать общения с мистером Короткие Штаны.

— Но его джинсы в самом деле коротковаты, разве нет?

— Определенно. Вполне вероятно, что в некоторых странах за это сажают в тюрьму, — добавил Кэйд.

Я засмеялась.

— Так ты идешь за кулисы?

Я осторожно ему улыбнулась.

— Почему бы и нет? — решила я.

Кэйд взял меня за руку и повел через толпу к темной двери, сливавшейся с черными стенами. Мы прошли по длинному коридору и нашли местечко на диване сбоку от сцены.

— Неплохо, да?

Вскоре на сцене появилась группа Mazzy Star и начала концерт с песни [Fade into You](#)^[2].

— Я люблю эту песню, — сказала я.

— Я тоже, — откликнулся Кэйд.

Его руки двигались в такт музыке, как будто он играл на воображаемом инструменте.

— Тамбурины были отличной идеей, — прошептал он.

— Не могу представить эту группу без них, — согласилась я, — это их звук.

Кэйд кивнул и поднял руку как раз в тот момент, когда вступило фортепьяно, как будто именно он пробудил его к жизни.

— В этом месте изумительный переход.

— Ты, наверное, музыкант? — поинтересовалась я.

Он покачал головой.

— Нет, я не знаю ни одной ноты. Я просто люблю музыку. — Кэйд похлопал себя по груди, кажется, это был для него привычный жест. — Я ее чувствую. — И после минутной паузы добавил: — Вот здесь.

Мне следовало бы смотреть на группу, но я не могла отвести от него взгляд.

— Послушай вот эту строчку, — негромко сказал он. — «Я хочу, чтобы моя рука оставалась в тебе». Какие прекрасные слова. Каждый раз меня пробивает.

Я кивнула:

— Эту песню я открыла для себя в колледже. Проигрывала ее снова и снова.

— Что она для тебя значит?

Я ответила не сразу, чувствуя странную легкость после второго коктейля. Я закрыла глаза, вспомнив на короткий миг мои наивные представления о любви.

— Думаю, она о желании полного единения с тем, кого любишь. Когда ты в соседней комнате, а уже скучаешь или сидишь рядом и ощущаешь непреодолимое желание...

— Быть еще ближе, — закончили мы в один голос.

Я улыбнулась и отвернулась. Взгляд Кэйда вернулся на сцену. Он взял мою руку, и я подчинилась.

15 ноября 2008 года

Мое сердце бешено билось, пока я слушала гудки в телефонной трубке. Я посмотрела на кухонные часы: 23.34. «Трэйси, пожалуйста, проснись. Проснись. Проснись».

— Алло? — Ее голос звучал сонно и недовольно.

— Слава богу, что ты сняла трубку, — прошептала я.

— Кайли! — Она говорила раздраженно и как-то механически. — Будет лучше, если дело действительно важное. Я дежурила всю неделю и *только* закрыла глаза.

— Прости, — сказала я.

— А почему ты шепчешь?

— Не хочу разбудить Райана. Ты мне не поверишь, когда я скажу, кого встретила сегодня.

Трэйси зевнула:

— Сдаюсь.

— Послушай, я видела *Кэйда*.

— Того самого Кэйда?

— Да, того самого.

— Ты уверена?

Я слышала, как что-то скрипнуло наверху лестницы, на цыпочках вышла из кухни и заглянула за угол, чтобы проверить, не проснулся ли Райан. Нет, он по-прежнему спал. На площадке был всего лишь Эдди, мой старый черный лабрадор. Ему уже исполнилось одиннадцать лет, но в душе он все еще оставался щенком.

— Да, я уверена, — шепотом ответила я. — Но, Трэйси, он был в ужасном состоянии. Он даже... не узнал меня.

— Что ты имеешь в виду?

— Я увидела его на улице возле ресторана. Кэйд... — Я замолчала, не в силах произнести это слово. — Кэйд... бездомный.

— Я не понимаю, — сказала Трэйси.

— Я едва узнала его с этой бородой, — продолжала я. — Одет в грязные лохмотья. Я не знала, что сделать или сказать. Столько лет прошло... А потом, ты ведь помнишь: Кэйд просто исчез. Я думала, что он уехал в Австралию, или *женился*, или что-то еще. — Я готова была расплакаться. — Но он явно попал в серьезную переделку. Трэйси, я думаю, что с ним произошло что-то ужасное.

— Вот это да, — протянула моя подруга. — Райан в курсе?

— Нет. Пока нет. Я была так ошеломлена. Я просто... не смогла ему сказать.

— И что ты собираешься делать?

— Я должна помочь Кэйду, — прошептала я и покачала головой, осознавая весь ужас ситуации.

— Но как, Кайли? А что, если он наркоман? Что, если он опасен? Что, если...

Я покачала головой.

— Нет, — сказала я, — Кэйд не может быть опасен.

С минуту Трэйси молчала.

— Хочешь, чтобы я пошла с тобой?

— Да. — Я смахнула слезу со щеки. — Ты могла бы?

— Я пойду, — ответила Трэйси.

— Я любила его, — прошептала я. — Я так сильно его любила...

— Я знаю это, дорогая. Я помню. Я помню все.

Когда я проснулась, в окно лился утренний свет. Я перевернулась и зарылась лицом в подушку.

— С добрым утром! — нежно приветствовал меня Райан из ванной. Его бедра прикрывало полотенце, на мускулистой груди поблескивали капли воды.

— Который час? — сонно поинтересовалась я.

— Девять тридцать, — ответил он. — Давненько ты так долго не спала. Я рад. Тебе нужно было отдохнуть.

Я потянулась, и в это мгновение туман рассеялся, и я вспомнила события прошедшего вечера. Я снова увидела Кэйда возле ресторана. Я нервно села в постели, а Райан тем временем натянул джинсы и футболку и уселся рядом со мной.

— Каковы наши планы на сегодня, будущая миссис Уинстон?

Я сморщила нос.

— Райан, ты же знаешь, что я еще окончательно не решила взять твою фамилию.

На его лицо промелькнуло обиженное выражение, но он быстро взял себя в руки.

— Я понимаю, что это серьезный выбор. Я горжусь тобой и хочу, чтобы у нас была одна фамилия. Ведь мы выбрали друг друга.

— Когда ты говоришь мне такие слова, разве я могу отказаться? — Меня завораживала романтичность Райана. — Обещаю, что не буду медлить с решением.

Райан погладил меня по шее.

— Как насчет завтрака?

— Ничто не доставляет мне такого удовольствия, как твое общество в ленивое воскресное утро, — ответила я. — Но у меня слишком много проблем, чтобы расслабиться. От меня ждут вторую статью из серии, а я еще даже не начинала собирать материал. Взгляд на проблему с точки зрения бизнеса — это для меня новое, и я не могу позволить себе совершить серьезную ошибку.

Полуправда — это не ложь. Я действительно планировала взять интервью у девелоперов, нацелившихся на реконструкцию площади Пионеров.

— Ладно, — согласился Райан. — Тебе что-нибудь принести?

— Не-а, — отказалась я. — Честно говоря, я слишком много съела вчера за ужином. И потом, мне нужно будет встретиться с Трэйси, а она обязательно заставит меня выпить с ней кофе, я уверена в этом.

Райан кивнул, поцеловал меня в лоб и направился к двери. Когда звук его шагов стих и я услышала, как закрылась входная дверь, быстро взяв телефон, я набрала номер Трэйси:

— Можешь заехать за мной?

Она застонала.

— Можно мне поспать хотя бы еще часик?

— Нет, — сказала я с той настойчивостью, которая возможна только между лучшими подругами. — Ты нужна мне, Трэйси.

— Хорошо. — Трэйси с наслаждением зевнула. — Дай мне время одеться и выпить хотя бы чашечку кофе. Буду у тебя через полчаса.

— Спасибо.

— Кайли, ты явно не в себе.

— Не в себе, — честно призналась я. — Моя жизнь только что перевернулась вверх дном.

Я налила себе огромную чашку кофе из френч-пресса, уныло вернулась в гостиную и уселась на диван. Эдди устроился рядом со мной и положил голову мне на колени, как делал это щенком много лет тому назад. Точно так же он вел себя с Кэйдом. Услышав скрип двери, я подняла голову.

— Кайли!

— Входи, — откликнулась я. — Слава богу, ты здесь.

Трэйси не стала терять время:

— Расскажи мне все.

— Хорошо. — Я поставила кружку на столик. — Как я тебе говорила, я была в «Ле Марше» с Райаном. Когда мы вышли, я увидела на улице Кэйда.

Трэйси кивнула:

— Еще раз спрашиваю: ты уверена, что это был он?

— На сто процентов. Во всяком случае, я так думаю.

— Прошло много времени, Кайли. Может быть, этот человек просто похож на Кэйда? Или ты просто думала о нем, поэтому приняла за него кого-то другого? Каждый день мимо нас проносятся тысячи лиц. Быть может, ты увидела его черты в лице этого бездомного? Знаешь, так бывает. Психологи сталкиваются с подобными вещами.

— Не знаю, — вздохнула я.

— Ну сама подумай: как могло получиться, что он прожил все эти годы у нас под носом и об этом никто не знал? — продолжила Трэйси.

— Я понимаю, что это кажется нереальным, — согласилась я. — Но я видела его глаза. Их я никогда не забуду.

Трэйси кивнула:

— Что ж, едем в город и посмотрим, что мы можем сделать.

— А что мы можем сделать?

— Постараемся ему помочь, подключим социальные службы, сделаем все необходимое.

Я кивнула, думая обо всех тех знакомствах, которыми я обзавелась, пока писала статью о площади Пионеров. И все же часть моего существа была как будто парализована.

— Трэйси, я даже не представляю, с чего начать.

— В первую очередь мы поговорим с ним, — решила Трэйси. — Послушаем, что он скажет. Посмотрим, хочет ли он, чтобы мы ему помогли.

— А если не захочет?

— Мы должны считаться с его выбором. Мы можем только предложить.

Я закрыла лицо руками:

— Что, по-твоему, с ним случилось?

Трэйси пожала плечами:

— Трудно сказать, почему люди становятся бездомными. Я всего лишь скромный пульмонолог. Но считается, что первым в списке причин подобного поведения стоит психическое заболевание.

Я покачала головой.

— У Кэйда были проблемы, но психически он был здоров.

— Тогда причина могла быть другой. — Трэйси говорила тоном врача-клинициста, который я редко слышала.

— Например?

— Вероятностей множество. Он мог стать жертвой несчастного случая, после которого потерял память. Некоторые люди так и не восстанавливаются.

— То есть ты полагаешь, что у него нет шансов?

— Нет-нет, — торопливо возразила Трэйси. — Я ничего подобного не говорю. Мы не сможем правильно оценить его состояние без подробного обследования, без томографии мозга. И, говоря откровенно, я не уверена, что ты действительно видела Кэйда.

Я откашлялась, не в силах принять ее сомнения.

— А если он выздоровеет... — Я замолчала, пытаюсь определить тяжесть ситуации. Все эти годы я считала, что он просто взял и уехал. И вот теперь он может вернуться в мою жизнь. — Трэйси... я же *выхожу замуж*.

— Знаю, дорогая. — Лицо подруги смягчилось. — Тебе, должно быть, очень непросто. Но давай не будем делать преждевременные выводы. Пока волноваться не о чем. Мы его найдем. Если это Кэйд, тогда ты и будешь думать, что делать дальше. — Она сжала мои пальцы. — Прошло много времени. Мы и сами с тобой сильно изменились.

Некоторое время я обдумывала ее слова. Эдди лизнул мою руку и получил награду за нежность: я почесала его любимое местечко за правым ухом.

— Возможно, ты права, — ответила я и обвела взглядом красивый дом, который я делила с моим женихом. На каминной полке стояли милые безделушки, которые мы купили во время наших путешествий. На стенах висели картины, которые Райан заказал у любимого художника. За столом в нашей столовой собирались друзья. Моя жизнь теперь казалась безупречной. Как я могу позволить моему прошлому запятнать тщательно созданное настоящее, ради которого я столько трудилась? Внутренне я съежилась.

— Если говорить о прошлой жизни... — задумчиво произнесла Трэйси, перелистывая журнал, посвященный ремонту и обустройству дома, где я загнула уголки страниц, чтобы показать Райану понравившиеся места. — Знаешь, на кого я недавно наткнулась в продуктовом магазине?

— На кого?

— На девушку из команды болельщиц в моей школе, — ответила она. — Крисси Герхарт. — Трэйси восхищенно покачала головой. — Она живет в Сиэтле вместе с мужем и двумя детьми. И, должна признаться, мне греет душу тот факт, что самая хорошенькая девушка в школе официально покинула ярмарку невест. Крисси Герхарт. Мечта всех мальчишек.

— Почему, интересно, все всегда помнят имена и фамилии девушек-болельщиц? — хмыкнула я.

— Ты права, — ответила Трэйси. — Я не смогла бы тебе назвать имена тех девочек, с которыми сидела вместе за ланчем весь девятый класс. Но *Крисси Герхарт* я вспомнила мгновенно.

— Шина Томсон, — добавила я. — Самая красивая девочка с помпонами в старшей школе Рузвельта.

— Странно, как прошлое напоминает о себе. — Трэйси встала, бросила журнал на кофейный столик, где лежала стопка журналов для невест. Я все время говорила себе, что найду время, чтобы просмотреть их. Моя подруга застегнула пальто и глубоко вздохнула. —

Ты готова встретиться с настоящим?

Я кивнула, потерлась носом о нос Эдди и тоже встала.

— Думаю, да.

18 мая 1996 года

Мы с Трэйси перебросили сумки с бельем для стирки через плечо, вышли из квартиры и отправились в прачечную «Садись и крути». Разумеется, поблизости были и другие прачечные самообслуживания, но больше ни одной на Четвертой авеню, где можно было бы попить кофейку, пока вещи сохли в машине.

— Ты только посмотри на это, — воскликнула Трэйси, когда мы свернули на улицу, обсаженную вишневыми деревьями, усыпанными розовыми цветами.

— Какая красота! — ахнула я.

— Точно, только я не об этом.

Она указала на ветку ближайшего к нам дерева. Над нашими головами реяла красная лента, привязанная к верхней ветке.

— Как думаешь, откуда она здесь?

Я пожала плечами.

— Может быть, это что-то вроде тех желтых лент, которые люди привязывают к деревьям в память о воевавших солдатах, — продолжала Трэйси. — Но это как будто лента в знак давно потерянной любви.

— Трэйси, не смей меня.

— Нет, в самом деле, — не успокаивалась она. — Держу пари, что так оно есть. Что-то вроде: повяжи красную ленту на ветку дерева в память об истинной любви.

Я округлила глаза. Мы вошли в прачечную, где пахло стиральным порошком и кофе. Мы с Трэйси нашли столик в уголке и пару свободных стиральных машин. Трэйси вынула из сумки учебник анатомии. Не самое приятное чтение, но это необходимо, если собираешься сдавать тест на поступление в медицинскую школу. Я опустилась в оранжевое кресло и сделала глоток латте с орехами макадамии из гигантской оранжевой чашки. Только в Сиэтле такое смелое сочетание прачечной самообслуживания и кафе могло быть настолько привлекательным.

— По-моему, тот парень из группы Soundgarden^[3], — прошептала Трэйси.

Я беззастенчиво оглянулась через плечо и увидела бородатого Кима Тайила, который пил пиво в компании такого же брутального мужчины.

— Марку очень нравится Soundgarden, — мечтательно произнесла Трэйси. — А я толком их не знаю. Но, пожалуй, мне тоже нравится. Но я просто упаду в обморок, если увижу здесь еще и Эдди Веддера^[4].

Я отпила еще один глоток.

— Если я когда-нибудь заведу пса, то назову его Эдди.

Трэйси улыбнулась:

— Нет, вы только посмотрите на нее! Еще и года нет, как поселилась в Сиэтле, а уже готова назвать воображаемую собаку в честь самого популярного в городе рок-музыканта!

— Его будут звать Эдди. — Я кивнула. — Золотистый ретривер... Нет, черный лабрадор.

Я подняла свою корзину с бельем для стирки, и на пол упали трусики с заметной дырой.

— Боже, мне пора идти за покупками, — вздохнула я.

Глаза Трэйси неожиданно расширились.

— А вот теперь не оглядывайся, — сказала она, отодвигая учебник в сторону и упорно

глядя в свой латте. — Кажется, сюда только что вошел тот парень с концерта Mazzy Star.

Мое сердце заколотилось. Хотя я и нацарапала свой номер телефона на салфетке в тот вечер в клубе «Крокодил», но за целый месяц Кэйд мне так и не позвонил. *Он потерял мой номер? Или он понравился мне больше, чем я ему? Или это был всего лишь эпизод жизни в Сиэтле?* Я ни в чем не была уверена.

— Тебе стоило бы подойти к нему и заговорить, — шепотом посоветовала Трэйси.

— Ни за что, — отрезала я, делая вид, что мне все равно. На самом же деле я все время надеялась случайно встретиться с ним и даже заглянула в клуб как-то вечером после работы, чтобы проверить, не окажется ли он там.

— Подожди, — все так же шепотом продолжала Трэйси, прикрываясь книгой, которую она якобы читала. — Он только что посмотрел в нашу сторону.

— В самом деле? — Я сразу осознала, что на мне самая старая футболка и ни капельки макияжа. Самый неподходящий момент для новой встречи с Кэйдом.

Я быстро пригладила челку и пожалела о том, что не воспользовалась хотя бы тушью.

— Кайли?

— О, привет! — сказала я, когда наши глаза встретились. — Кэйд, верно?

Трэйси едва не поперхнулась латте.

— Верно, — ответил он. — Рад тебя видеть.

Его глаза лучились добротой и смотрели уверенно.

— Я тоже рада, — сказала я и опустила взгляд на корзину с бельем. Меня охватила паника, когда я увидела дырявые трусики на самом верху кучи.

— Самое лучшее место в Сиэтле для стирки белья. — Кэйд улыбнулся. *Он их видел. Он точно их видел.*

— Можете представить, что Курт Кобейн стирал здесь свои боксеры перед тем, как стал знаменитым? — спросила Трэйси. Прошло около двух лет после трагической смерти местной знаменитости, но весь Сиэтл продолжал оплакивать Кобейна.

— Ну... — Кэйд выдержал приличествующую случаю паузу, — я его действительно здесь видел.

Трэйси закашлялась.

— Не может быть!

Кэйд кивнул и указал на то место, где в углу доживал свой век анемичный на вид фикус.

— Курт стоял вон там, рядом с огромной кучей белья, и опускал в музыкальный автомат четвертак. Это было еще до того, как Nirvana^[5] отыграла свой первый концерт. — Он пожал плечами. — С тех пор Кобейн сильно изменился. Слава высосала из него всю радость, и он об этом знал. Печально, хотя такое случается со многими артистами.

Рыжеволосая, унылая на вид девушка лет двадцати подошла к нашему столику, и я не успела ответить.

— Прошу прощения, — обратилась она к нам с Трэйси с нервной улыбкой, прежде чем повернуться к Кэйду. — Вы действительно... тот самый *Кэйд Макаллистер* из «Стихия Рекордс»?

— Да, — подтвердил он с быстрой улыбкой.

— Вау, — экзальтированно воскликнула девушка. — Я ваша фанатка. Настоящая фанатка. Я люблю все ваши группы. То есть из-за вашей фирмы я все еще жива. Музыка, которую вы выпускаете, помогла мне пережить непростые времена. Понимаете, да? В общем, вау! Как здорово вас встретить!

— Спасибо, — непринужденно ответил Кэйд, и у меня возникло стойкое ощущение, что такое случается постоянно.

— Меня зовут Дженна, — продолжала девушка, прикладывая руку к груди. — Спасибо вам. — Она снова посмотрела на меня. — Простите, но я не могла не подойти и не поздороваться. Я уже уйду, и вы можете вернуться к вашему разговору.

Когда она отошла, наши с Кэйдом взгляды встретились.

— Судя по всему, ты большая шишка.

Он пожал плечами:

— Я всего лишь счастливчик, который занимается тем, что ему нравится. А чем ты увлекаешься, Кайли? Я уверен, что не стиркой.

Кэйд подмигнул мне и посмотрел на мою корзину с бельем.

— Кайли отдаст последний доллар за редчайший козий сыр на рынке Пайк-плейс, — сказала Трэйси.

— Пригласишь меня как-нибудь на ужин?

Трэйси сделала вид, что с головой ушла в учебник, но если бы над ее головой возникло облачко, как в комиксе, оно было бы полно восклицательных знаков.

— Ну... — Я никак не могла подобрать нужные слова.

— Прости, я, наверное, слишком тороплю события.

Я улыбнулась:

— Возможно, чуть-чуть.

— А что, если, — продолжал Кэйд, — сначала я приглашу на ужин тебя? Если ты хорошо проведешь время, тогда ты как-нибудь пригласишь меня на ужин к тебе домой. Договорились?

Я робко улыбнулась, затягивая с ответом:

— Договорились.

— Отлично.

Кэйд повернулся к двери и помахал только что вошедшему парню с бородой и «рукавом» из татуировок, потом снова посмотрел на меня:

— Кстати, о стирке: в тот вечер, когда мы познакомились, ты записала твой номер телефона на салфетке. Я положил ее в карман и по трагической случайности случайно постирал те самые джинсы. Можешь записать мне его еще раз? — Он улыбнулся.

— Конечно, — с улыбкой ответила я. Порывшись в сумке, я достала ручку.

Кэйд подставил ладонь.

— На этот раз запиши его вот здесь, так надежнее.

— О'кей, — рассмеялась я, взяла его ладонь и написала на ней свое имя и номер телефона. — Теперь постарайся их не смыть.

— Обещаю. — Кэйд подмигнул мне.

Когда он ушел, Трэйси поймала мой взгляд.

— Знаешь, что я думаю?

— Что?

— Ты потеряешь голову из-за этого парня, — сказала она, качая головой.

Я не сказала ей, что я ее уже потеряла.

Вечером того же дня я аккуратно вымешивала тесто для кофейного кекса с корицей.

— Моя бабушка обычно говорила, что корицей пахнет в счастливых домах, — с улыбкой

сказала я Трэйси. — Мне всегда нравился этот запах.

— Корица? — откликнулась Трэйси, подняв голову от кофейного столика, на котором были разложены учебники и тетради.

— Ага. У бабушки на этот счет была своя теория: чем больше корицы употребляет женщина, тем больше в ее жизни любви.

Я добавила масло в миску и лизнула край деревянной ложки.

— Забавно, да?

Трэйси кивнула:

— Мир наших дедушек и бабушек был намного романтичнее. Представляешь, мои поженились через две недели после знакомства. Через две недели!

Я улыбнулась:

— А мои бабушка и дедушка встретились во время войны на танцах. Дедушка пригласил бабушку на танец, и у них случилась любовь под музыку Гленна Миллера.

Трэйси театрально прижала руку к сердцу.

— Moonlight Serenade^[6], — произнесла она с восторгом, и тут зазвонил телефон. Трэйси сняла трубку, а я поставила форму с кексом в духовку.

— Алло? — Пауза, потом Трэйси улыбнулась. — Да, она дома. Минутку.

Она указала на телефон и одними губами произнесла:

— Это он!

Мое сердце едва не выскочило из груди, пока я вытирала руки полотенцем и бежала к телефону.

— Алло? — Я пыталась выровнять дыхание и говорить спокойно. Но получился писк.

— Привет, это Кэйд.

Его голос по телефону казался ниже. Мне это понравилось, и у меня в животе запорхали бабочки.

— Привет, — ответила я.

— Здорово, что мы сегодня случайно встретились, — продолжал он. — Я тут подумал, может быть, мы могли бы поужинать вместе в субботу? Если ты не занята.

— С удовольствием.

— Была когда-нибудь в «Диком имбире»?

— Нет, но мой редактор от него в восторге. Я как раз собиралась проверить, каково там на самом деле.

— Отлично, — обрадовался Кэйд. — Давай встретимся там в семь?

Трэйси отчаянно замахала мне, но я проигнорировала ее жесты.

— Конечно, — ответила я, встречаясь взглядом с подругой.

— Спроси, какой у него знак, — прошептала Трэйси.

— Нет, — одними губами ответила я.

— Серьезно, спроси, это для меня. Я должна знать.

— Трэйси! — шепотом возмутилась я.

— Ну пожалуйста, — попросила она улыбаясь.

— Гм. — Я продолжила разговор с Кэйдом. — Моя лучшая подруга сошла с ума и желает узнать, какой у тебя знак.

— Мой знак? — Он фыркнул.

Я сурово посмотрела на Трэйси, сожалея, что пошла у нее на поводу.

— Она любит астрологию. А я нет. Но я люблю ее.

Кэйд снова засмеялся:

— Ничего об этом не знаю, но я в курсе, что я Телец.

— Он Телец, — сказала я, и Трэйси одобрительно кивнула.

— Передай ей, что я был бы рад получить от нее мой гороскоп, — добавил Кэйд.

Я улыбнулась:

— Поверь мне, не стоит ее поощрять.

— Хорошо, — расхохотался он. — Увидимся в субботу.

— До встречи. — Я повесила трубку и снова улыбнулась.

Трэйси восторженно взвизгнула, когда я рухнула на диван рядом с ней.

— Кое-кто идет на свидание!

Я не могла сдержать улыбку:

— Я иду.

— И он *Телец*, — мечтательно добавила она.

Я пожала плечами.

— Это хорошо, Кайли, очень хорошо. Тельцам везет в любви. Ими управляет Венера, планета красоты и удовольствия. — Губы Трэйси дрогнули в улыбке. — Приготовь ему одно из твоих коронных блюд, и ты в шоколаде.

— Все так просто, да? — хмыкнула я.

— Я так думаю. — Она стряхнула муку с моей блузки. — Я говорила тебе, что это начало чего-то очень большого.

Бухту Эллиотт пересекал паром, уходя в ночь, и я подумала, что, возможно, только возможно, она права.

16 ноября 2008 года

Мы ехали по шоссе I-5, капли дождя разбивались о ветровое стекло машины Трэйси. Дворники скользили вниз и вверх, двигаясь в такт ударам моего сердца.

— Я помню твое первое свидание с ним, — с некоторой ностальгией сказала Трэйси.

— В самом деле? — Я повернулась к ней.

— Ты так волновалась, перемерила кучу нарядов, пока собиралась.

— «Дикий имбирь». — Мозг торопливо выплескивал воспоминания. — Мы с ним ходили в «Дикий имбирь».

— Я уже была готова позвонить в полицию: ты, такая домоседка, явилась домой только в два часа ночи! У меня едва не случился сердечный приступ.

Трэйси свернула на Джеймс-стрит и проехала вниз по Четвертой авеню.

— Мы можем припарковаться здесь, а потом немного пройдем пешком. Посмотрим, не будет ли он снова стоять возле ресторана.

— Хорошо, — нервно ответила я.

Когда мы проходили мимо кафе, Трэйси остановилась.

— Сначала кофе.

— Стоило бы начать выпускать футболки с такой надписью, — хмыкнула я.

— Я бы такую купила, — призналась Трэйси.

Я вошла следом за ней в кафе, и мы обе заказали двойной американо, но в последнюю минуту Трэйси попросила сделать ей тройной.

— Помнишь латте, которые мы пили раньше? — со смехом спросила она.

— Столько сахара! По-моему, я пила латте с орехами макадамии по крайней мере целый год.

— А я не могла обойтись без поджаренного зефира, — добавила подруга. — Помнишь?

Я кивнула.

Ее глаза засияли.

— И ели тирамису. — Трэйси расхохоталась. — О чем мы только думали?

Я тоже засмеялась, но мой смех был пустым, отвлеченным. Смех, наполненный сожалениями и тоской по тому, как все было раньше. Бутылочки с сиропом остались в далеком прошлом, как и две двадцатидвухлетние девушки с широко открытыми глазами.

Потягивая кофе без сахара, мы начали поиски. Мой взгляд метался из стороны в сторону, пока мы шли по Четвертой, а затем по Третьей авеню. По пути я вглядывалась в каждый проулок, заглядывала в каждый мусорный бак, в каждую щель. Дождь усилился, я натянула капюшон куртки, а Трэйси нырнула под навес.

— «Ле Марше» чуть дальше по улице, — сказала я. — Сейчас ресторан закрыт, но, возможно, Кэйд снова пришел туда.

Трэйси кивнула и пошла следом за мной.

— Думаю, что вероятнее всего встретить его там.

Мы молча прошли еще два квартала, и я выбросила стакан из-под кофе в урну. Говорить я не могла. Да и думать как следует тоже не могла. Я могла лишь переставлять ноги, сердце гулко стучало.

Я издали увидела зеленый навес «Ле Марше». Я устремилась туда и не заметила

автомобиль, приближавшийся справа. Водитель раздраженно посигналил, пока я озиралась по сторонам.

В ресторане было темно. Я заглянула в окно, потом внимательно оглядела улицу.

— Его здесь нет, — с отчаянием сказала я.

Трэйси достала телефон и ушла под навес, чтобы ответить на звонок. Я прошла несколько шагов, чтобы заглянуть в проулок за рестораном. Там было пусто, если не считать мусорного бака и картонной коробки.

Мы постояли несколько минут, потом я предложила пройти до Пятой авеню.

— Там есть приют для бездомных, — сказала я, вспомнив статью, которую написала в прошлом году. В ней шла речь об известном шеф-поваре, который объединил усилия с благотворителем и начал готовить еду для бездомных. Об этом никто не знал, пока это начинание не превратилось в компанию «Фуд Нетворк спешиа». Благодаря усилиям этих людей сэндвичи с обжаренным на гриле сыром заменили на сэндвичи с лососем и салатом из эндивия с грецкими орехами в сахаре. Мне хотелось бы думать, что именно моя статья, а не один-единственный репортаж по телевидению привела к тому, что эта инициатива стала событием года в области благотворительности.

— Мы могли бы посмотреть, не... — Мой голос прервался. Я все еще не могла поверить в то, в каком плачевном состоянии оказался Кэйд. В то, что я могу войти в приют и увидеть там его лежащим на пропитанной мочой койке.

Трэйси похлопала меня по руке:

— Не бойся, соберись.

Я кивнула, и мы направились к кирпичному зданию. Черная краска на двери облупилась. Беззубая женщина с грязными седыми волосами стояла на тротуаре и пила из бутылки, завернутой в коричневый крафтовый пакет.

— Вы копы? — спросила она низким хриплым голосом, отступая на шаг назад.

— Нет, — ответила Трэйси, — мы не копы.

Женщина кивнула и снова поднесла бутылку к губам. Я заметила незажившую рану на ее левой руке, она нагноилась и покраснела. Я внутренне содрогнулась. Трэйси взялась за дверную ручку.

— Может быть, нам повезет, — шепнула она мне.

Я прошла следом за подругой в вестибюль, где за столом сидел мужчина средних лет с козлиной бородкой и редкими волосами. Пахло немывтым телом, мокрым ковролином, застоялым дымом сигарет, а еще печалью и разбитыми мечтами.

— Привет! — поздоровался мужчина и поднял на нас глаза. Его лицо было мне знакомо, и я мгновенно вспомнила его жизнерадостный тенор. Он, должно быть, тоже вспомнил меня. — Вы ведь репортер из «Сиэтл Геральд»?

— Да. Я Кайли Крэйн. — После нашего интервью прошло не меньше года. — Прошу прощения, но вам придется напомнить мне ваше имя.

— Эйб Фаррелл. — Он протянул руку для пожатия. — Догадываюсь, что вы двое не ищете комнату для ночлега.

Мужчина засмеялся своей шутке, но мы с Трэйси были слишком растерянны, чтобы оценить его остроту. Мы просто смотрели на него.

— Чем могу вам помочь?

— Мы ищем одного человека, — быстро заговорила я, делая шаг вперед. — Мужчину.

— Имя знаете?

Я посмотрела на Трэйси, потом снова на Эйба:

— Да, его зовут Кэйд Макаллистер.

Эйб покачал головой:

— Не думаю, что у нас есть кто-то с таким именем, но с нашей клиентурой никогда ничего нельзя знать наверняка. Некоторые из них просто не помнят своего имени.

Я кивнула:

— В нем около шести футов. Худой. И у него борода. Вчера на нем была куртка цвета хаки и сапоги.

Я снова видела его сидящим на тротуаре, и эта картина раз за разом прокручивалась в моей голове. Мне становилось не по себе, когда я думала о его глазах, таких печальных и потерянных.

— У него рваные джинсы, — я показала на свои голени, — вот на этих местах.

— Простите, мисс. — Мужчина снова улыбнулся. — Это описание подходит почти к каждому мужчине в нашем приюте.

Я обреченно вздохнула.

Он пожал плечами.

— Если бы вы показали мне фото, то тогда я, возможно, смог бы вам помочь.

Я достала бумажник и вытащила оттуда выцветший снимок. На нем были мы с Кэйдом в Биг-Суре^[7], невероятно живописном месте рядом с автострадой 1. Я улыбнулась про себя, вспоминая ту поездку в мельчайших подробностях. Мы взяли напрокат автомобиль с откидным верхом, и я повязала голову бежевым шарфом на манер Грейс Келли. К тому моменту, когда мы добрались до маленькой смотровой площадки, мы оба стали зелеными — так нас укачало в дороге. Слишком много было поворотов. Но на фотографии этого не было заметно.

— Вот Кэйд, — сказала я, протягивая снимок Эйбу. Тот прищурился, потом пожал плечами.

— Боюсь, здесь нет никого похожего, — объявил он через некоторое время. — Но если хотите, я могу провести вас по приюту, чтобы вы сами посмотрели.

— Спасибо. — Я бросила взгляд на Трэйси, потом снова посмотрела на Эйба. — Я была бы вам очень признательна.

С некоторой опаской мы пошли следом за ним по короткому коридору и вошли в большую комнату, где вдоль стен стояли двухъярусные кровати. Трое мужчин сидели за столом в центре и увлеченно играли в карты. Еще несколько человек спали или делали вид, что спали, на своих койках. Один бродяга сидел в углу и что-то бормотал себе под нос. Кэйда среди них не было.

— Нет, — со вздохом сказала я, — его здесь нет.

— Жаль, — посочувствовал Эйб. — А этот мужчин, он ваш... бойфренд?

Я покачала головой.

— Нет-нет, — я покрутила свое помолвочное кольцо, — он всего лишь старый друг.

— Что же, вашему старому другу повезло, что такая женщина, как вы, его ищет. — Эйб улыбнулся. — Надеюсь, вы его найдете.

— Я тоже надеюсь.

Он уже повернулся к двери, когда я остановила его.

— Подождите, — сказала я, стягивая куртку и поднимая рукав футболки на правой руке. — У него точно такая же татуировка. Она вам не кажется знакомой?

— Нет. Боюсь, я не видел подобных татуировок в последнее время.

И тут я заметила, что один из играющих в карты, который был старше остальных и носил длинную седую бороду, поднял голову и смотрит на меня.

— Ладно. — Я удрученно сунула руку в рукав куртки. Бородач встал из-за стола и направился к нам.

— Прошу прощения, — сказал он, держа в правой руке карты. Я увидела туз пик и сразу вспомнила, как учила Кэйда играть в «Тридцать одно», любимую карточную игру моих бабушки и дедушки. Кэйд выиграл.

— Эта татуировка, — продолжал старик, — она похожа на татуировку... Митчелла.

Я удивленно покачала головой:

— Митчелла?

— Ага. Станный такой. Не разговаривает. Он то приходит, то уходит. Но большую часть времени он проводит на Четвертой возле модного французского ресторана, который называется...

— «Ле Марше»? — с готовностью подсказала я.

— Точно, он.

Мои глаза расширились:

— Вы уверены, что узнаете татуировку?

Я снова сняла куртку, чтобы показать ее.

— Да, мэм, — подтвердил бродяга, вглядываясь пристальнее.

— Пожалуйста, скажите мне, почему вы называете его Митчеллом.

Мужчина пожал плечами:

— Черт его знает. На армейской куртке, в которой он всегда ходит, написано это имя. Думаю, все решили, что его так зовут. Может, оно и так, а может, и нет. — Старик хмыкнул. — Вот меня зовут Фрэнк, но все зовут меня Бешеный Пес.

— Что ж, спасибо вам.

Он кивнул и направился обратно к столу. Я подумала о Кэйде: он носит армейскую куртку с напечатанной на груди фамилией «Митчелл». *Как такое могло случиться?*

— Простите мое любопытство, — спохватился Бешеный Пес, снова поворачиваясь ко мне, — но как вышло, что у такой, как вы, и у такого, как он, одинаковые татуировки?

На мои глаза навернулись слезы. Я глубоко вздохнула, стараясь унять дрожь в губах:

— Мы с ним не разные, как может показаться, мы одинаковые. И когда-то я его любила, очень сильно любила.

Я почувствовала, как рука Трейси коснулась моего плеча.

— Идем, дорогая, нам пора.

Словно в оцепенении я вышла на улицу следом за ней.

Снова пошел дождь, и, оказавшись рядом с «Ле Марше», мы с Трэйси сразу спрятались под навесом ресторана.

— Что дальше? — спросила она.

— Пожалуй, я останусь здесь ненадолго, — сказала я. — Подожду, вдруг он вернется.

Трэйси кивнула и сунула руку в карман, чтобы достать звонящий телефон. Я прошла несколько шагов вперед и снова посмотрела в проулок за рестораном. Пусто, только в отдалении голубь клевал что-то на мостовой.

— Из больницы звонили, — сообщила Трэйси, подходя ко мне минутой позже. — У пациента кризис. Мне очень жаль, но я должна ехать.

— Я справлюсь сама, — успокоила я подружку. Голубь чего-то испугался и отлетел дальше в проулок, расстроенный, серый.

Я постояла несколько минут на тротуаре, а потом пошла по направлению к «Старбакс». Заказав кофе, я уселась в кресло у окна. Дождь полил сильнее, окно затуманилось, как и моя голова. Рукавом куртки я протерла кусочек стекла, чтобы видеть прохожих. Любой из них мог оказаться Кэйдом, но его среди них не было.

Я вышла из кафе. Прошел час, потом еще два. Позвонил Райан, и я сказала ему, что собираю материал для статьи. Еще одна белая ложь. Он спросил, смогу ли я приготовить ризотто на ужин. Я ответила, что смогу, и попросила его купить рис арборио в магазине органических продуктов. Наш разговор был легким, непринужденным. Мы говорили так, словно у каждого из нас был перед глазами сценарий. Но именно в этот момент сценарий мне не нравился. Мне было отвратительно разговаривать о рисе и органических продуктах, когда Кэйд бродил где-то в городе, замерзший, скорее всего голодный... Возможно, он притулился где-то в проулке и мокнет сейчас под дождем. Я ненавидела все: рис, дождь и то, как сложилась жизнь.

Я прислонилась к кирпичной стене ресторана, который только что открылся для воскресного ланча. Через окно я заметила привлекательную пару возле бара. На ней было льняное платье с оборками цвета слоновой кости, явно только что купленное в дорогом магазине. Она накручивала на палец длинные темные волосы, игриво прислоняясь к своему спутнику, чисто выбритому мужчине в очках в темной оправе. Я представила себе их разговор.

«Я люблю устрицы», — говорит она.

«Я тоже!» — отвечает он.

«Но только не мидии!» — добавляет она, манерно отпивая глоток охлажденного розового вина.

«Никаких мидий, — мгновенно соглашается он. — Это сомнительные моллюски».

Она смеется, снова медленно отпивает глоток вина, чей цвет повторяет цвет румян от МАС, которые она нанесла на щеки чуть раньше. Девушка гадает, не перестаралась ли она с макияжем. И встретила ли она родственную ей душу?

Мимо промчалась машина и едва не окатила меня грязью из лужи. Я вцепилась в золотую цепочку на шее, пробежалась пальцами до золотого медальона с моими инициалами. Его мне подарили бабушка с дедушкой на мой десятый день рождения, и с тех пор я с ним не расставалась.

— Что ты в него положишь? — спросила меня бабушка, когда я надела его первый раз.

— Пока не знаю, — ответила я, раздумывая о том, что в медальон нужно положить нечто совершенно особенное.

В тот же день дедушка достал старую коробку из-под сигар и принялся перебирать старые монеты, фотографии с волнистыми краями, открытки и пожелтевшие вырезки из газет, пока не нашел какой-то крошечный предмет.

— Самая красивая ракушка для самой красивой девочки, — объявил он, целуя меня в лоб.

Я поворачивала ракушку так и эдак, сияя улыбкой.

— Хочешь послушать историю о том, как я ее нашел? — спросил дедушка.

Я кивнула, не сводя глаз с моей новой драгоценности. Я всегда любила дедушкины истории.

— Это было в августе 1944 года, незадолго до освобождения Франции, — начал он свой рассказ. — Было жарко, я очень хорошо это помню. Несколько моих приятелей собрались спуститься на берег и искупаться. В то утро мы слушали по радио Эйзенхауэра. Все были в отличном настроении, поэтому командир не стал возражать, когда мы ушли из лагеря на берег. Хотя нас предупреждали о противопехотных минах и о том, что в пещерах и крестьянских домах могут прятаться остатки вражеской армии. И все же нам хотелось пойти на пляж. Туда мы и отправились. Мы шли по каменистой тропинке мимо кипарисов и старых корявых яблонь. Мы с капитаном Рэйнсом подобрали и съели все яблоки, которые только смогли найти.

Дедушка замолчал и улыбнулся мне:

— Забавно... Всякий раз, когда я откусываю от яблока, я даже теперь снова оказываюсь на том берегу...

Глаза дедушки как будто видели свое далекое прошлое.

— Мы продолжали путь, — рассказывал он. — На этом участке берега прибой был сильнее. Там было опасно купаться, Рэйна едва не смыло. — Дедушка хмыкнул. — Я просто сидел на берегу и смотрел на волны. И тут я заметил, что они что-то вынесли на берег. Поначалу я подумал, что это камешек, но, приглядевшись получше, понял, что это ракушка. Но не простая. Она сияла на солнце и цветом напоминала переливчатый нефрит. Таких я никогда не видел.

Когда Рэйнс сел рядом со мной, я показал ему свою находку. «Это особенная ракушка», — сказал он. «Откуда ты знаешь?» — удивился я. И тогда капитан рассказал мне, что встречался с французской девушкой, и у той точно такая ракушка была прикреплена к цепочке. Судя по всему, они встречаются редко, их море время от времени выбрасывает на берег, и только на этом пляже. Местные говорят, что нашедшему такую ракушку обязательно повезет, это хорошее предзнаменование, оно предвещает любовь, счастье и защиту. — Дедушка снова улыбнулся. — Я хранил ее все эти годы, и, знаешь, моя жизнь была счастливой. Замечательной, честно говоря. А теперь ты будешь хранить ее.

Я не могла поверить в свою удачу и гордо хранила дедушкину ракушку на столике у кровати, пока проказливая маленькая сестренка моей подруги однажды не взяла ее. Ракушка выскользнула у нее из рук на тротуаре и разбилась на множество кусочков.

Я расплакалась. Нет, разрыдалась. Я горевала об этой ракушке больше, чем о моей подруге, уехавшей в другой город, когда мы учились во втором классе. Как я посмотрю в лицо дедушке? Как я скажу ему, что не сумела сохранить ракушку и она разбилась? Что его драгоценные воспоминания разлетелись вдребезги из-за неловкого движения руки неразумного соседского мальчика? Но я все-таки сказала ему, и он простил меня, в чем я ни минуты не сомневалась.

Я сохранила самый крупный осколок раковины и держала его в верхнем ящике комода вместе с нижним бельем и полосатым купальником-бикини с оборочками. Но потом я убрала этот осколок в медальон, где он с тех пор и хранился. Я погладила украшение, думая о дедушке, умершем через два дня после моего двадцать шестого дня рождения.

— Ракушка все еще у тебя? — спросил он меня при нашей последней встрече.

— Да, — ответила я.

— Хорошая девочка.

Я подняла голову, очнувшись от своих мыслей, когда услышала мужской голос, который отчитывал кого-то впереди меня.

— Вы меня слышите? — сурово спросил мужчина.

Это был работник ресторана в белом фартуке. Он заслонял того, к кому обращался, поэтому я вытянула шею, чтобы увидеть происходящее.

— Я уже говорил вам раньше, что вы должны уйти, — продолжал он. Мое сердце забилось быстрее. Неужели это?..

— Подождите, — крикнула я, когда тот, к кому он обращался, медленно побрел прочь. Я видела только его спину в *армейской куртке*. — Прошу вас, подождите!

Работник ресторана откашлялся.

— Примите мои извинения, если этот человек докучал вам.

Я ему не ответила и бросилась бежать, пытаясь догнать мужчину в *армейской куртке*, который свернул за угол. Я побежала быстрее, но вскоре увидела, что он смешался с толпой на площади перед торговым центром Уэстлейк. Народу было много: матери с дочерьми, прикрывавшие зонтами пакеты с покупками из универмага «Нордстром», школьники с наушниками, пожилые дамы. Вдалеке уличный скрипач играл *Happy Birthday*^[8]. И тут я увидела *армейскую куртку*.

— Кэйд! — окликнула я. Он был на сотню футов впереди меня, но я поняла, что он меня услышал, потому что мгновенно остановился и посмотрел по сторонам.

— Кэйд, — повторила я, медленно приближаясь. Я боялась, что если пойду быстрее, то могу напугать его. Поэтому я двигалась осторожными короткими шагами, как человек, пытающийся подобраться к попавшему в беду щенку и спасти его. *Еще несколько шагов.*

— Кэйд, это я, Кайли.

Он повернулся ко мне. Когда наши глаза встретились, казалось, мир, до этого бурливший водопадом, замедлил свое движение и превратился в тонкую струйку. Я не слышала шума вокруг себя. Я не замечала торопящихся людей. Я не чувствовала дождя на лице. Был только Кэйд. И он смотрел на меня.

25 мая 1996 года

— Как я выгляжу? — обратилась я к Трэйси, кружась по нашей кухне, чтобы она как следует рассмотрела мое платье, голубое с кружевной отделкой по подолу и на рукавах. Я купила его в магазине «Бон» во время обеденного перерыва. — Не перестаралась?

— Нет, — ответила Трэйси, — оно говорит: «Я профессионал, но в глубине души художник».

— Художник в глубине души? — Я сморщила нос.

— Ну да, загадочная художница. Мужчинам нравится интрига.

— Гмм. — Я утянула платье в талии, пытаюсь поймать свое отражение в дверце микроволновки. — Я не слишком в этом уверена.

— Не переживай, — продолжала Трэйси, — Кэйд платье обязательно понравится, но только в том случае, если ты срежешь с него ярлычок.

Моя подруга взяла ножницы из кухонного шкафчика.

— Дай-ка я тебе помогу.

Я пожала плечами:

— Боже, я ненавижу ходить на свидания.

— От этого никто не в восторге.

— Тогда зачем мы все через это проходим?

Трэйси улыбнулась:

— Несмотря на то что ты надеваешь защитные доспехи, ты настоящий Водолей. Поэтому в душе ты втайне идеализируешь любовь, веришь в родственные души и все такое прочее.

— Что ж, — произнесла я куда более серьезным тоном, — хотя Кэйд пригласил меня на ужин, я что-нибудь выпью и, возможно, съем закуску. Если что-то пойдет не так, я уйду.

Я надевала черный кардиган, когда Трэйси, порывшись в своей сумочке, протянула мне четвертак.

— Держи!

Я удивленно посмотрела на нее.

— Положи в сумочку. Если потребуется подкрепление, найди телефон-автомат и позвони мне.

— Хорошо, — улыбнулась я.

Я сидела у бара в ресторане «Дикий имбирь» и нервно вонзала соломинку в ломтик лайма в водке с содовой. Кэйд опаздывал. Всего на десять минут, но все же.

— Не хотите ли посмотреть меню? — Сочувствующий бармен посмотрел в мою сторону.

— Нет, я кое-кого жду, — ответила я.

— Первое свидание?

Я покраснела:

— Ага.

Бармен кивнул:

— Я почему-то так и подумал.

— Как вы догадались?

Он улыбнулся:

— Профессиональное чутье.

Я выдохнула:

— Должна признаться, я немного нервничаю.

— Почему?

Я не успела ответить, когда кто-то слегка похлопал меня по плечу. Я обернулась.

— Прости за опоздание, — извинился Кэйд. — Совещание продлилось дольше, чем я планировал, и, разумеется, мне пришлось обсуждать дела с моим партнером тридцать седьмой раз за неделю. — Он потер лоб. — Маленький совет: никогда не затевай бизнес с лучшим другом.

— Усвоила. — Я улыбалась во весь рот.

— Привет, — улыбнулся мне Кэйд.

— И тебе привет, — ответила я. Он был одет в джинсы, серый свитер и высокие, порядком поношенные кеды «Конверс». Он был точно таким, каким я запомнила в ту ночь в клубе «Крокодил». Немного непредсказуемый, несколько непочтительный и совершенно завораживающий.

— Надеюсь, ты не станешь сердиться на меня за мое опоздание. — Кэйд улыбнулся так, словно заранее знал, что не буду сердиться.

Бармен подмигнул мне, когда администратор провожала нас к столику у окна в дальней части обеденного зала. Мы сели за стол.

— Мне нравится твое платье, — сказал Кэйд.

Я посмотрела вниз на колени и разгладила воображаемую морщинку.

— Правда?

— Ага, оно в стиле Стиви Никс^[9].

Я рассмеялась и отпила глоток коктейля.

— Тебе нравится Fleetwood Mac?^[10] — спросил Кэйд.

— Да, — ответила я, — Gypsy^[11] — одна из моих любимых песен. Моя мама была хиппи со стажем.

Официант протянул Кэйду меню, и тот, улыбнувшись мне, заказал мартини с оливками, фаршированными сыром.

— Знаешь, как я определяю хороший ресторан? — спросил он, откладывая меню.

— Как?

Кэйд указал на бар:

— Оливки, фаршированные сыром.

Я недоуменно посмотрела на него:

— Боюсь, я не совсем понимаю.

— Во многих местах их вообще нет, даже в дорогих заведениях. Но вопрос в том, предлагает ли персонал *сделать* их для тебя. В хорошем ресторане их обязательно сделают.

— Интересно, — оценила я.

Кэйд подмигнул:

— Когда пишешь статью о ресторанах, всегда следует добавить изюминку.

— Надо будет за этим проследить, — улыбнулась я ему.

— Расскажи мне о своей работе.

Я кивнула:

— Кажется, я говорила тебе, что работаю репортером в «Сиэтл Геральд».

— Да, и я впечатлен.

— Не стоит. Я самый младший репортер.

— Не скромничай, — возразил Кэйд. — Уверен, что твоя работа намного интереснее, чем ты думаешь.

— На самом деле я люблю свою работу, — сказала я. — И у меня замечательный редактор, который позволяет мне писать о темах, интересных для меня.

— Например?

— Ну... — Я немного поерзала на стуле. — Политика, бедность, интервью о людях, непохожих на остальных.

— Вау! Серьезные вещи.

— Они много значат в нашей жизни, — продолжала я. — По крайней мере, в моей — точно.

Кэйд долго смотрел на меня, пока я не почувствовала, что мои щеки залила краска, и не отвернулась.

— У тебя доброе сердце, знаешь ли.

Я улыбнулась:

— Или мне просто не хочется писать о моде.

Вернулся официант с мартини, в котором на коктейльную шпажку были нанизаны фаршированные сыром оливки. Кэйд положил одну оливку в рот и отпил мартини.

— Тебе всегда нравилось готовить?

— Всегда. Я выросла с бабушкой в Айове и готовила вместе с ней.

— А я всегда любил музыку. — Он отпил еще глоток. — Забавно, что мы оба родились с увлечением, которое со временем не поблекло.

Я кивнула:

— Если бы я так сильно не любила свою работу, то я, возможно, стала бы шеф-поваром.

— Расскажи мне об Айове.

— Я переехала туда после смерти родителей.

— Прости, — сказал Кэйд.

Я пожала плечами:

— Мне было пять лет. Они погибли в автомобильной аварии — лобовое столкновение, — когда ехали на концерт Grateful Dead^[12].

— Ты что-нибудь о них помнишь? — спросил Кэйд, наклонившись ко мне.

— Мамин голос, — ответила я. — Она по вечерам всегда напевала колыбельную из оперы «Порги и Бесс».

— Summertime?^[13]

— Ты ее знаешь?

Кэйд кивнул.

Я попыталась вспомнить мелодию и через пару мгновений начала напевать:

— So hush little baby...^[14]

— Don't you cry^[15], — продолжил Кэйд, допевая за меня строчку. И когда он это сделал, у меня по коже побежали мурашки.

Я слегка улыбнулась своим мыслям.

— Позавчера на работе у меня глаза были на мокром месте. Почему-то я все время

вспоминала платье, которое носила мама. Оно было цвета ржавчины с голубой вышивкой спереди.

— Мои родители тоже умерли, — сказал Кэйд. — Мне было семь, и меня взяла к себе тетя.

— О! — Его слова поразили меня. — Я ни разу еще не встречала человека, чьи родители умерли, когда он был маленьким, как и у меня. Я всегда чувствовала себя странной девочкой с умершими родителями.

— Мы с тобой пара сирот, — с грустной улыбкой констатировал Кэйд.

— Расскажи, что случилось с твоей семьей, — попросила я.

— История такая. Мама умерла от рака. Я помню ее смутно, если ты можешь понять — как будто чувствую. — Он помолчал. — От нее я унаследовал музыкальный ген, хотя ему потребовалось некоторое время, чтобы проклюнуться.

— Разумеется, она передала его тебе. Я недавно прочитала, что дети, разлученные с матерью сразу после рождения, могут, когда вырастут, выбрать мать из нескольких женщин. Эта связь никогда не исчезает.

Кэйд кивнул:

— Она умерла через неделю после моего второго дня рождения, а перед этим провела много месяцев в больнице. Я понимаю, что едва ли я могу ее помнить. И все же я помню. Хотя не могу этого объяснить.

— Понимаю, — сказала я. — Думаю, наш мозг формирует воспоминания и каталогизирует их еще до того, как мы это осознаем.

Кэйд прикрыл глаза.

— Однажды в младших классах мама одного из моих друзей обняла меня, и запах ее духов показался мне невероятно знакомым. Звучит безумно, но я клянусь, что в тот момент почувствовал запах моей мамы.

Я вспомнила свои ощущения, когда бабушка позволила мне примерить некоторые из старых маминых платьев. Тогда мне показалось, будто экскаватор опустил ковш в мое сердце и вытащил воспоминания, о которых я сама не подозревала.

— Я все время так себя чувствую, — призналась я Кэйду. — Это что-то вроде дежавю, только более интенсивное.

Он кивнул.

— Отец так и не оправился после маминой смерти.

— Как он умер?

— Самоубийство. Отравился выхлопными газами в гараже поздно ночью. Утром я искал свою коробку для ланча, а нашел его тело. Я тогда учился во втором классе.

— О! Ты наверняка сильно испугался.

Кэйд пожал плечами:

— После этого я жил с моей тетей Фэй, маминой сестрой.

— Она была добра к тебе?

— Очень. Когда мне исполнилось десять, тетя купила мне первый магнитофон. И она же дала мне и моему другу Джеймсу пятнадцать тысяч долларов взаймы, чтобы мы основали «Стихия Рекордс». Мы оба ушли из колледжа за год до его окончания, чтобы начать свое дело. Хотя мы совершенно не представляли, что делаем, Фэй в нас верила. А так как она в нас верила, мы превратили маленькую мечту в компанию, которая продала больше двадцати миллионов записей и в которой работают семнадцать человек.

— Невероятно, — сказала я.

— Полагаю, да, — ответил Кэйд. — Это настоящее воплощение мечты. Но нам не всегда было легко.

— Значит, работать с лучшим другом — это испытание?

Кэйд с силой выдохнул воздух.

— Да, такова печальная правда. Мы вместе учились в старших классах. Он играл на гитаре, я на басы. Мы были парочкой безмозглых самодеятельных музыкантов, с которыми не желали разговаривать девушки-болельщицы. — Кэйд прижал руку к сердцу и мечтательно добавил: — Но как же я был влюблен в Стейси Риос...

Я улыбнулась.

— И вот мы организовали свою фирму, и поначалу все было замечательно. Безумно, но здорово. Я каждую неделю куда-то летал: Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Майами... где бы ни появлялась новая группа, я сразу оказывался там.

— Джеймс тоже летал?

— Ну как сказать... — проговорил Кэйд. — Поначалу мы много путешествовали вместе, но потом поняли, что ему лучше держать оборону в Сиэтле. Поэтому мы поделили наши обязанности.

— А как ты придумал название «Стихия Рекордс»?

— Оно пришло мне в голову, когда я однажды слишком много выпил, — усмехнулся Кэйд. — Но название имеет смысл, во всяком случае, для меня.

— И какой же?

— Так я воспринимаю музыку. Когда я слышу группу, которой, как я знаю, суждено прославиться, у меня возникает определенное ощущение. Все чувства обострены. Музыка волнует тебя так, что ты это ощущаешь физически. Однажды я остановился на углу в Нэшвилле, чтобы послушать уличного музыканта. Просто парень с собакой, он пел и играл на гитаре. Люди бросали ему деньги, а я предложил контракт. Теперь он платиновый голос.

— Вау! — воскликнула я.

— Вот это я называю быть *в своей стихии*. — Кэйд улыбнулся. — Джеймс хотел назвать компанию «Бонсай Рекордс».

— Бонсай? — Я сморщила нос.

Кэйд пожал плечами.

— Мы совершенно по-разному представляли, как управлять компанией, и временами становилось трудно. Я бы солгал, если бы сказал, что успех фирмы не повредил нашей дружбе.

Он сделал большой глоток мартини, его лицо вдруг стало напряженным и серьезным. Я поняла, что тема его друга Джеймса ранит его сильнее, чем он сам это признает.

— А что, если... — начал Кэйд, меняя тему. — Сегодня хороший вечер. Почему бы нам не заказать еще выпить, какие-нибудь закуски, а потом не пойти погулять? Напомни мне, как давно ты живешь в Сиэтле.

— Около года, — ответила я.

— Так тебе просто необходима качественная экскурсия. — Кэйд улыбнулся. — Я покажу тебе *мой* Сиэтл, все те места, которые имеют для меня значение. Что скажешь?

Я смотрела на него широко открытыми глазами. Мне нравилась его уверенность.

— Согласна, — ответила я. И Кэйд взял меня за руку.

Когда мы выходили из ресторана на тротуар, мимо нас прошли двое мужчин в дорогих костюмах. Один из них говорил про NASDAQ^[16].

— Я бы никогда не смог быть таким, как они, — после паузы сказал Кэйд.

Я посмотрела на него:

— Что ты имеешь в виду?

— Деловые костюмы, ежедневный график работы с восьми до пяти, бесконечные совещания по поводу прибылей и убытков компании, жесткие сроки. Работа на босса.

Я кивнула и улыбнулась:

— Да уж, ты прирожденный предприниматель.

Мы шли по улице вдоль квартала.

— Волшебный час. — Кэйд посмотрел на небо. Солнце только что село, и оранжевый свет задержался на горизонте. Ночь еще не наступила, а день уже закончился, это был чудесный отрезок времени, в котором, собственно, и находились мы с Кэйдом.

Я снова почувствовала, как в моем животе порхают бабочки, — точно так же, как во время нашей первой встречи, и улыбнулась, когда Кэйд сделал вид, будто подносит ко рту микрофон.

— Благодарю вас, мэм, за то, что вы решились совершить эту эксклюзивную экскурсию по Сиэтлу. — Он весьма официально откашлялся. — Позвольте мне, вашему экскурсоводу, представиться. Я Кэйд Макаллистер.

Я не смогла удержаться от смеха.

— Мы проходим мимо самого тщательно охраняемого объекта города. Слева от нас «Зигзаг». На протяжении многих лет бармены этого заведения смешивали коктейли для музыкальной элиты города.

Кэйд приглушил голос до шепота:

— И если вы хотите как следует рассмотреть Даффа «Роуз» Маккагана из Guns N'Roses^[17], заходите сюда в четверг сразу после восьми часов. Он всегда сидит в правой стороне бара.

— Я скажу Трэйси, — пообещала я. — Она убьет меня, если узнает, что я тебе об этом сказала, но в детстве она состояла в фан-клубе Guns N'Roses.

Кэйд внезапно остановился.

— А как насчет тебя? Какого бы певца ты хотела увидеть вживую?

— О, я даже не знаю. — Я разыграла смущение.

— Давай же, скажи, — настаивал Кэйд. — Не скрывай от меня.

— Ну, — немного застенчиво начала я, — ответ покажется тебе странным.

— Мне нравится узнавать о музыкальных вкусах людей, а твои пристрастия меня особенно интересуют.

— Ладно, — не слишком охотно уступила я. — В детстве мне нравилась музыка, которая нравилась моим родителям. Мои подружки отплясывали под хиты восьмидесятых, а я наслаждалась The Mamas and the Papas^[18], Crosby, Stills and Nash, Neil Young^[19] — вот такой музыкой.

Кэйд улыбнулся:

— А по какому певцу ты сходила с ума?

— Ты знаешь песню Happy Together^[20] группы the Turtles?^[21]

— Знаю.

— Солист группы — Ховард Кайлан, — продолжала я. — Мама любила эту песню. У нее была запись, и мы обычно слушали ее вместе. Это одно из немногих моих воспоминаний о ней. Разумеется, сейчас он, наверное, старый бородатый потасканный хиппи. Но его голос, эта песня, они как будто вышиты в моем сердце в том самом месте, где находится мама. Мне бы хотелось встретиться с ним и рассказать ему эту историю.

— Это было бы прекрасно, — заметил Кэйд.

— Наша экскурсия закончена? — поинтересовалась я.

Кэйд покачал головой:

— Следующая остановка — это место неудавшегося свидания с девушкой-диджеем с радио, чье имя мы раскрывать не станем. — Он указал на телефон-автомат. — Мне она действительно понравилась, во всяком случае, я хотел с ней встретиться. Но наше свидание совпало с заключением новой крупной сделки с очередной музыкальной группой. Джеймс хотел, чтобы я во что бы то ни стало подписал его. Я пообещал девушке, что вернусь через пять минут, но, к сожалению, пять минут растянулись на полчаса. Когда я вернулся, она уже ушла, правда, перед этим заказала выпивку для всех присутствовавших в баре, а счет оставила мне.

Я сочувственно посмотрела на Кэйда:

— Жестоко!

— Так вот на этом все и закончилось. Она мне больше не позвонила, но урок я усвоил.

Кэйд снова вооружился воображаемым микрофоном, и мне не терпелось услышать, что он еще расскажет. Я взяла его под руку. С улыбками на лицах мы, шагая в ногу, свернули в следующий квартал.

— Перед вами первый офис «Стихия Рекордс», он вот здесь слева. — Кэйд указал на дверь с облупленной серой краской рядом с китайским рестораном.

— Не буду говорить о крысах и о том, что ни один из служащих больше никогда не закажет чоу мейн из курицы. Но из этой маленькой дыры в стене появилось на свет несколько платиновых записей.

Я заглянула в окно и представила Кэйда, начинавшего свой бизнес в этом помещении. Я сразу поняла, что передо мной редкая душа. Творческая, возможно, даже гениальная, уверенная в себе, но с необъяснимой уязвимостью. Он стоял близко ко мне, и все же мне хотелось быть еще ближе.

— Видишь уличный фонарь вон там, — продолжал Кэйд, — тот, который немного мигает?

— Ага.

— Там началась история группы Pearl Jam^[22].

Я покачала головой.

— Прямо там?

— Вот именно, — подтвердил Кэйд. — Все думают, что Эдди Веддер прислал гитаристу Майку МакКреди демоверсию песни. Он действительно это сделал, но Майк не обратил на нее внимания. Потом Эдди переехал в Сиэтл, и Майк услышал, как он поет под этим фонарем. — Он остановился и указал вперед. — Он был пьянее дьявола, но пел, как ангел. Остальное уже история.

Стало темнее, и, когда к нам подошел бездомный, я придвинулась на дюйм ближе к

Кэйд. Одежда висела на мужчине лохмотьями, от него исходил острый запах мочи и грязи.

— Мелочи не найдется? — пробормотал он, разглядывая меня. Я инстинктивно покачала головой и отступила назад.

— Конечно, приятель. — Кэйд сунул руку в карман, достал несколько монет по одному доллару и пригоршню мелких денег. — Держи.

— Большое спасибо, — пробубнил мужчина. — Благослови вас Бог.

— Береги себя, — сказал ему Кэйд, когда мы проходили мимо.

— Ты хорошо поступил.

Он пожал плечами.

— Дал немного мелочи бездомному парню?

— Немногие так бы поступили.

— А следовало бы.

Я кивнула:

— Но разве бездомные не тратят часто деньги на наркотики?

— Все может быть, — ответил Кэйд. — Но они такие же люди, как и мы. И по какой-то причине их жизнь сложилась не так, как они планировали. Возможно, они сами виноваты. Или кто-то еще. Кто знает? Но я думаю, что отсутствие дома — это не столько проблема одного человека, сколько проблема коллективная. Людям надо помогать, когда есть такая возможность.

— Согласна, — сказала я.

Еще несколько кварталов мы прошли в молчании. Я так долго чувствовала себя потерянной, летящей без цели, словно воздушный шарик. А потом этот парень поднял руку и притянул меня вниз, обмотав веревочку вокруг своего запястья.

— Теперь офис «Стихия Рекордс» находится вот здесь. — Кэйд указал на красивое кирпичное здание. — Здание принадлежит нам с Джеймсом. Я только что поставил стол для бильярда на верхнем этаже.

— Босс, для которого отдых на первом месте, — оценила я. — Мне это нравится.

Кэйд вдруг остановился.

— В котором часу ты сегодня превращаешься в тыкву? — улыбаясь, спросил он.

Я бросила взгляд на часики. Еще не было и десяти.

— Пожалуй, я могу погулять еще немного.

— Отлично. Потому что мне кажется, что нам стоит пропустить еще по стаканчику. Моя квартира как раз за углом.

— Не знаю. — Я колебалась. Стоит ли идти к парню домой на первом свидании? Вероятно, нет.

— Только один коктейль, никаких глупостей.

— Хорошо, — согласилась я после паузы. — Только один.

Мы прошли до увитого плющом кирпичного дома и остановились у двери, выходящей прямо на тротуар. Кэйд открыл дверь ключом, и я прошла за ним внутрь.

— Дом, милый дом, — пропел он, подходя к проигрывателю на столике у дивана. — Ты слышала группу The Breeders?^[23]

— Нет, — сказала я.

Он вытащил диск из обложки и определил его на место с мастерской точностью, а потом снова взглянул на меня.

— Они тебе понравятся.

Я прислонилась к стене и слушала, как басы бухают в колонках.

— Ким^[24] сначала играла в The Pixies^[25], — сказал Кэйд. — Это должно было стать всего лишь экспериментом, дополнительным проектом. Но в результате получилось самое свежее и непредсказуемое звучание в роке, во всяком случае, с моей скромной точки зрения.

— Мне нравится.

Он улыбнулся:

— Так много музыки, которой бы мне хотелось с тобой поделиться...

От его слов у меня в животе снова запорхали бабочки. Если он хочет научить меня, то я хочу научиться.

— Ты это слышишь? — Кэйд взял мою руку и начал барабанить ею по столику в такт ударным. — Вот это место. — Он закрыл глаза, продолжая повторять мелодию моими пальцами.

— Да, — ответила я. Я была благодарна за то, что свет был приглушен, потому что мои щеки пылали огнем.

— Добротная работа ударных, — отметил он, отпуская мою руку и направляясь на кухню. — Налить тебе выпить?

— Конечно.

— Водка с содовой?

Я кивнула и скользнула взглядом по его квартире. Открытая планировка напоминала лофт с неоштукатуренными кирпичными стенами, красивая винтовая лестница из чугуна вела в спальню наверху.

— Промашка, — объявил Кэйд. — Водка закончилась. Хочешь прогуляться со мной до винного магазина?

— Конечно, — ответила я, и Кэйд взял ключи.

Я медленно прошла вперед, пока он запирает дверь.

— Магазин за углом, — объяснил Кэйд. — Думаю, он еще работает.

Я кивнула, глядя на здание рядом с домом Кэйда, которое пока еще только строили. Его окружали леса, выходящие в некоторых местах на тротуар.

— Это не новый приют для бездомных? — спросила я, вспоминая дискуссии между репортерами в комнате новостей. Щедрое пожертвование — дар некоммерческой организации, переданный на строительство приюта, — вызвало неудовольствие девелоперов, надеявшихся построить на этом месте многоквартирный дом.

— Точно, — подтвердил Кэйд.

— А ты что об этом думаешь?

— О чем?

— Я знаю, что проект был противоречивым, — продолжала я.

— Что противоречивого в помощи нуждающимся?

— Ничего, — улыбнулась я.

— Если быть до конца честным, то мне больше по душе соседство с приютом для бездомных, чем со стерильным кондоминиумом с его завышенными ценами, напыщенными обитателями и их избалованными собаками.

Я рассмеялась:

— Отлично сказано.

— Ты только подумай, — не успокаивался Кэйд. — Сначала появляется кондоминиум, следом за ним вырастают сетевые рестораны. Не успеешь оглянуться, как мое любимое кафе

на Мейн-стрит превратится в Н&М.

Он немного помолчал, ловя мой взгляд под фонарем.

— Ты такая красивая, — неожиданно сказал он.

Я улыбнулась, чувствуя, как горят щеки, и отвернулась.

— Это правда. — Кэйд сжал мою руку.

Купив в винном магазине алкоголь, мы вернулись обратно в квартиру Кэйда. Он приготовил нам выпить, и мы уселись на диване. Я положила голову ему на плечо, отдыхая в молчании. У меня отяжелели веки, и я неожиданно задремала.

Я вздрогнула, открыла глаза — как мне показалось, несколько часов спустя — и резко выпрямилась.

— Который час?

Кэйд сидел рядом со мной и не спал.

— Почти два часа ночи. Мне не хотелось будить тебя. Ты выглядела такой спокойной.

Я улыбнулась.

— Мне пора идти.

— Я знаю, — откликнулся он. — Двай я вызову тебе такси.

Я неловкими пальцами застегивала пуговицы на кардигане. Кэйд вызывал машину. На мгновение мне захотелось остаться. В этот вечер и в следующий. И потом тоже. Остаться навсегда.

Кэйд вышел вместе со мной на улицу и обнял меня. Он долго не размыкал объятия, пока его губы не встретились с моими. Мы целовались, когда подъехало такси.

Я вспомнила четвертак, который Трэйси дала мне раньше. Прежде чем махнуть на прощание Кэйду, я сунула руку в карман и бросила монету в шляпу бездомного, который сидел на тротуаре рядом со своей собакой.

16 ноября 2008 года

Кэйд. Он увидел меня, он узнал меня. Я увидела, как вспыхнули его глаза.

— Только никуда не уходи, — взмолилась я. — Я хочу тебе помочь.

Мое сердце гулко билось, пока я доставала телефон и судорожно искала номер телефона Джеймса Китли. Джеймс Китли. «Стихия Рекордс» давно прекратила работу, но я знала, что Джеймс начал успешный венчурный бизнес, и его портфель стартапов внушал уважение. Судя по всему, он и его партнеры заработали миллионы. Во всяком случае, так утверждал автор статьи в «Уолл-стрит джорнэл», которая попалась мне на глаза лет шесть назад. Тогда я позвонила ему, чтобы поздравить, и между делом спросила, нет ли у него новостей о Кэйде. Но Джеймс, как и все из прошлого, ответил, что потерял контакт со старым другом. Я тогда даже обрадовалась. По крайней мере, не одну меня Кэйд вычеркнул из своей жизни. Но в то же время я опечалилась: казалось, Кэйд исчез с лица земли.

Помню, я тогда поразились тому, как быстро пролетает жизнь. Джеймс закрыл продюсерскую компанию, женился на своей подруге Алексис, у них родились дети. Одна глава закончена, началась другая. И жизнь слишком наполненная, чтобы беспокоиться об отсутствующем друге, выпавшем из круга общения. Но, может быть, теперь все будет иначе? Я листала список контактов в телефоне, пытаюсь найти его имя. Я должна сказать ему, что Кэйд в Сиэтле, что он все время жил у нас под носом.

— Есть, — чуть слышно выдохнула я, открывая контактную информацию. *Джеймс Китли*. Я нажала на кнопку «вызов».

— Вы позвонили в офис компании «Китли, Браун и Слоун», — ласково пропел мужской голос. Я удивилась, услышав живой голос в воскресный день.

— Да... Здравствуйте... Я звоню Джеймсу Китли, — запинаясь, сказала я. Секретарь на телефоне по выходным — у Джеймса точно большой бизнес. — Это очень важно.

— Как мне вас представить?

— Кайли Крэйн.

— Прошу прощения, — ответил мужчина после короткого ожидания, — мистер Китли занят.

— Нет, вы не понимаете. Пожалуйста, скажите *мистеру Китли*, что это очень срочно. Мне необходимо поговорить с ним немедленно, по телефону или лично. Ваш офис недалеко от торгового центра Уэстлейк, верно? Я заеду.

— Боюсь, что это невозможно, — ответил секретарь. — Обычно мы по выходным закрыты. Мистер Китли не участвует ни в каких встречах. Я передам ему, что вы звонили.

Воскресенье или нет, но Джеймс у себя в офисе, и меня не остановить. Я нажала кнопку «отбой» и сразу же остановила такси.

— Пожалуйста, отвезите меня на угол Четвертой и Пайк-билдинг, — сказала я водителю.

Порыв ветра швырнул волосы мне в глаза, когда я пыталась открыть тяжелую латунную дверь. Я обрадовалась, увидев, что за стойкой секьюрити никого нет, прошла к лифту, поднялась на седьмой этаж. Налево располагались помещения юридической фирмы, я повернула направо. В конце коридора на золотой табличке на двери было указано имя Джеймса. Я глубоко вдохнула и вошла.

— Я пришла, чтобы увидеть Джеймса, — сообщила я, проходя мимо секретаря и углубляясь в лабиринт пустых ячеек открытого рабочего пространства.

— Подождите, вы должны... — начал было мужчина за стойкой. Он был в костюме, на шее кобальтово-синий галстук-бабочка, на носу очки в темной оправе, явно для стиля, а не для улучшения зрения.

Я увидела кабинет Джеймса и вошла. Переступая порог, я откашлялась.

Его глаза расширились, когда он поднял их от экрана компьютера.

— Кайли? — Его голос был именно таким, каким я его помнила: напористым, резким, с такими же нотками, как у спортивного комментатора-весельчака, умеющего сглаживать неудобные моменты. — Что происходит?

— Привет, — поздоровалась я. На висках Джеймса проступила седина. Он постарел больше, чем я ожидала.

— Давненько не виделись. — Джеймс встал и взмахом руки отправил прочь парня-секретаря, мявшегося в дверях, словно щенок питбуля. Джеймс неловко сцепил руки, как будто не знал, что с ними делать.

Его кабинет как будто сошел со страниц последнего номера журнала интерьеров: письменный стол из железа и восстановленного дерева, рабочее вращающееся кресло, почти как в космическом корабле. Я бросила взгляд на фотографии на стене, все в одинаковых черных рамках: дети, большая счастливая семья позирует босиком у пальм на пляже, вероятно, на Гавайях. Джеймс с музыкантами из «Стихия Рекордс» на шоу. А вот снимок, на котором он и Алексис стоят на палубе яхты. И ни одной фотографии Кэйда.

— Ты хорошо выглядишь, Кайли, годы были...

— Я его нашла, — выпалила я, совершенно не заинтересованная в светской беседе. Не сейчас.

— Что ты сделала?

— Я нашла Кэйда.

— Что ты имеешь в виду?

— Он в Сиэтле, под самым носом у нас.

— Ну я, очевидно, был не в курсе того, что он потерялся. — Джеймс покачал головой, натянуто улыбаясь.

Я села.

— Поначалу я тоже этого не понимала. Но когда он ушел и не вернулся, меня не оставляла мысль о том, что с ним могло что-то случиться. Думаю, я всегда это подозревала. Джеймс, с ним действительно что-то произошло. Кэйд живет на улице. Он бездомный.

— Бездомный?

Я значительно кивнула.

— Вчера вечером я увидела его возле «Ле Марше», но не была до конца уверена, что это он. Но этим утром я решила пойти в центр города и попытаться найти его. И я его нашла. Я видела его возле торгового центра Уэстлейк. Джеймс, он выглядит ужасно. В лохмотьях. — Я шумно выдохнула. — И я не уверена, что Кэйд понимает, кто он такой.

Джеймс снова сцепил пальцы.

— Ты уверена, что это был он?

— Абсолютно уверена.

— Возможно, это был кто-то, похожий на Кэйда.

— Нет, — отрезала я и подняла рукав, чтобы показать мою татуировку. — Мужчина в

приюте для бездомных узнал ее. Это Кэйд, Джеймс, это действительно он.

У меня за спиной скрипнула дверь. Я обернулась.

— О, привет, дорогой.

Алексис с ребенком на бедре была именно такой, какой я ее помнила: темные вьющиеся волосы, большие, широко расставленные глаза. После исчезновения Кэйда она много раз звонила, чтобы узнать, как у меня дела, приглашала на ланч или на кофе. Я ценила ее заботу, но рана была еще слишком свежей, чтобы обсуждать прошлое. А потом я переехала в Нью-Йорк.

— Привет, Алексис, — поздоровалась я.

— Кайли! — воскликнула она, бросаясь ко мне и обнимая одной рукой. Белокурый малыш улыбнулся, когда мать посадила его повыше на своем бедре. Алексис бросила быстрый взгляд на Джеймса. — Давно не виделись. Замечательно выглядишь!

— Ты тоже, — ответила я, хотя заметила мешки у нее под глазами. Возраст сказывался, или, возможно, это был стресс материнства.

— Дорогая, Кайли пришла потому, что уверена: она видела Кэйда в центре города, — объяснил Джеймс, приподняв одну бровь.

Алексис была поражена:

— Ты шутишь?

Они обменялись понимающими взглядами, потом она снова взглянула на меня.

— Кэйд вернулся? Это... замечательно. — Алексис снова посмотрела на мужа, потом опять на меня. — Ну и как он?

— Не слишком хорошо, — сказала я. — Я как раз говорила Джеймсу, что Кэйд живет на улице. С ним что-то случилось.

— Это ужасно. — Алексис была шокирована. — Джеймс, мы можем как-то помочь ему?

Он вздохнул и провел рукой по волосам. Я попыталась вспомнить прежнюю Алексис из девяностых, но картинка, поднимавшаяся из глубины сознания, была неполной и расплывчатой. Разумеется, она всегда была рядом, работала вместе с Кэйдом на всех вечеринках, на всех концертах. И все же было в ней что-то незапоминающееся, что-то неопределенное. Я смотрела, как она нежно укачивает на руках сына, и гадала, счастлива ли Алексис, действительно ли материнство было тем путем, который она осознанно выбрала для себя. Малыш агукнул мне, и я отвернулась, почувствовав, как защемило сердце.

— Прошло много лет, — продолжала Алексис, — но никогда не поздно вернуться домой. Должно быть, ему не понравилась новая жизнь, которую он начал в другом месте. Кэйд всегда говорил о Франции, помнишь, Кайли?

Я крепко зажмурилась, потом снова открыла глаза. Мы говорили о Франции, особенно о том маленьком прибрежном городке в Нормандии, в котором я побывала однажды в детстве с бабушкой и дедушкой. Странное совпадение, но Кэйд тоже побывал там тем же летом со своей тетей. Мы смеялись над тем, что, возможно, видели друг друга в поезде. Когда Кэйд исчез, мне пришло в голову, что он мог уехать во Францию. Одна только мысль об этом пронзала болью мое сердце.

Джеймс развернул кресло так, чтобы сидеть лицом к окну. Странно было видеть, как меняет человека жизнь. Когда-то основатель музыкальной фирмы в кедах и джинсах, Джеймс стал одним из толпы. Бизнесмен в офисном здании сидит в крутящемся кресле.

— Кэйд там. — Я посмотрела на Сиэтл за окном во всей его серой красе. — Прямо сейчас.

Спустя мгновение Джеймс снова повернулся к нам и кивнул, словно врач, который все обдумал и готов произнести диагноз:

— Алексис всегда была сентиментальной, а ты, Кайли, когда-то витала в облаках. Но теперь я вижу твои статьи на деловой странице. Ты присоединилась к реальному миру. А если мы говорим о Кэйде, то реальность такова: это его жизнь, а не наша. Если он хочет жить на улице, то это его право.

Я вскинула голову.

— Джеймс, никто не живет на улице по своей воле. С ним что-то произошло, я знаю это. Ему плохо. Он нуждается в помощи.

Джеймс покачал головой.

— Кайли, я много помогал Кэйду в свое время. Ты же помнишь, как тогда обстояли дела. Ты помнишь, как все было плохо.

Я не хотела вспоминать, но вспомнила. Джеймс высказывал Кэйду обвинения. Ситуация вышла из-под контроля. Я поддерживала Кэйда, пока... Пока могла. И даже тогда я сомневалась: а права ли я? Думала, может, неправильно оценила ситуацию. Возможно, если бы я осталась еще на один час, поговорила бы еще раз с Кэйдом, то жизнь была бы иной для меня, для Кэйда, для всех нас.

— Теперь я не обязан ему помогать, — закончил Джеймс.

Алексис подошла ближе к мужу:

— Но, Джеймс...

— Для меня все изменилось, — продолжал он, не глядя на жену. — У меня новый бизнес, которым надо заниматься, семья... — он указал на жену, — о которой надо думать. А что, если Кэйд принимает наркотики?

— Джеймс! — ахнула я.

Его глаза сузились.

— Он многое скрывал от нас, — сказал Джеймс, — и многое скрывал от тебя.

Я крепко зажмурилась, потом снова открыла глаза.

— Думаю, мы оба это знаем, — добавил он.

Я попыталась поймать взгляд Джеймса. В нем не было даже следа от той любви, той привязанности, той верности, которая когда-то связывала его с Кэйдом. Все это износилось и умерло с годами или вообще никогда не существовало?

— Но, Джеймс, — я почти умоляла его, — он же был твоим лучшим другом.

Он встал.

— В детстве — да. — Джеймс поправил воротничок своей оксфордской сорочки, чьи рукава украшали золотые запонки. — Но с тех пор я вырос. А Кэйд, очевидно, нет.

Алексис с сочувствием посмотрела на меня, когда Джеймс подошел к ней и взял ребенка на руки.

— Мне жаль, Кайли, — сказал он, целуя сына в лоб. — Мы тебе сочувствуем, и я надеюсь, что ты сумеешь оказать ему необходимую помощь. Каждый из нас делает свой выбор. Кэйд свой сделал.

— Ну что ж... — Я направилась к двери.

Чем ниже спускался лифт, тем тяжелее становилось у меня на сердце.

Если Кэйда надо спасать, то делать это придется только мне.

Я пешком вернулась к торговому центру Уэстлейк и села на скамейку, тупо глядя на

прохожих. Мимо прошмыгнул мальчишка с желтым шариком, за ним прошла его мать. Пожилая седовласая пара, держась за руки, медленно прогуливалась по брусчатке.

Я вынула телефон из сумочки и набрала номер бабушки. Она однажды встречалась с Кэйдом, когда они с дедом прилетали в Сиэтл ко мне в гости. Тогда они друг другу понравились.

— Выходи за него, — шепнула мне бабушка после нашего совместного ужина в «Космической игле», где дедушка в последний раз побывал в 1960-х годах во время Всемирной ярмарки. Я была благодарна судьбе за то, что дед успел увидеть здание еще раз до сердечного приступа и познакомиться с Кэйдом.

— Ох, дорогая, я по тебе скучала, — сказала бабушка. Она всегда казалась мне молодой. Когда я училась в школе, ее часто считали матерью, поздно родившей ребенка. Люди редко принимали ее за мою бабушку. Но теперь ее голос звучал слабо и неуверенно, и это меня беспокоило.

— Бабушка, — прошептала я, не в силах сдержать подступившие слезы.

— Что случилось, милая? — нежно спросила она. И я сразу почувствовала себя одиннадцатилетней девочкой, которая снова оказалась в старом деревянном доме в Айове. Вот я лежу на животе в той самой комнате, где росла моя мама, на старом красно-голубом стеганом одеяле с петельками из мягкой белой шерсти по углам. Бабушка похлопывает меня по спине, а я чувствую соленые слезы, текущие по моим веснушчатым щекам к уголкам рта. В кухне печется шоколадное печенье, в воздухе витает успокаивающий аромат масла и сахара.

— Я встретила Кэйда, — сказала я.

— Твой бывший бойфренд? Я думала, он...

— Исчез? Уехал из страны? Я тоже так думала. Но он здесь, бабушка. Он в Сиэтле. И он... бездомный. Я видела его вчера и сегодня, бородатого, исхудавшего.

— Батюшки мои! — ахнула она.

— И его лучший друг ему не хочет помогать, — продолжала я. — Я пошла просто посмотреть на него. — Я смахнула слезу. — Бабушка, как мне быть? Я скоро выхожу замуж. Как мне справиться со всем этим?

Бабушка какое-то время молчала, как делала всегда, собираясь с мыслями, чтобы сказать что-нибудь мудрое.

— Кэйд едва узнал меня, — призналась я. — Он сам на себя не похож. Должно быть, с ним что-то случилось. Что-то ужасное. Я точно знаю.

— Но он в городе, — сказала бабушка. — Твой парень в городе.

Я покачала головой. Я знала, что ее память за последние годы существенно ухудшилась. Возможно, она просто забыла, что я помолвлена с Райаном.

— Бабушка, Кэйд больше не мой парень. Мой парень *Райан*. Я выхожу замуж за Райана. Кэйд ушел так давно. И я так и не узнала почему. Я оплакала его и стала жить дальше. Я справилась со своей болью.

Бабушку отделяли от меня тысячи миль, но перед моим мысленным взором стояло ее лицо: мягкое, только что напудренное, с добрыми пастельно-голубыми глазами, от кожи пахнет розовым мылом.

Она молчала, словно обдумывая мои слова и вспоминая человека, женой которого я обещала стать в тот момент, когда дверь в прошлое была закрыта и жизнь стала проще.

— Я не представляю, как мне следует поступить.

— Возможно, сейчас ты этого не знаешь, но со временем поймешь, — сказала бабушка.

— Что ты имеешь в виду?

— Сердце подскажет тебе, дорогая.

— Думаешь? — спросила я, обескураженная.

— В незнании нет ничего плохого, — продолжала она. — Просто у тебя нелегкий путь.

— Я люблю Райана. Я правда люблю его, бабушка. Я хочу выйти за него замуж. Я хочу, чтобы мы жили вместе.

— Да, и, вполне вероятно, ты это получишь. Но сначала ты должна разобраться со своим прошлым, а для этого тебе придется встретиться с ним лицом к лицу.

— Ты права, — согласилась я.

— Дорогая моя, — добавила бабушка, — не имеет значения, что случилось или случится, ясно одно.

— Что?

— Ты говорила мне, что Кэйд однажды спас тебе жизнь.

— Да, — пробормотала я. Ее слова пронзили мое сердце, как игла, которая не только приносит боль, но и исцеляет.

— Теперь твоя очередь спасти его.

21 июня 1996 года

— Это тебе, — объявил Кэйд, стоя на пороге моей квартиры.

— Они прекрасны, — выдохнула я, принимая огромный букет с рынка на Пайк-плейс. Тюльпаны, гортензии и левкой были завернуты в белую бумагу. Я уткнулась носом в цветок оттенка лаванды, напомнивший мне о доме. Левкой всегда были любимыми бабушкиными цветами, в ее саду всегда росли белые и розовые сорта. Теплым летним утром их нежный аромат вливался в окно моей спальни.

— Красивая квартира, — оценил Кэйд, оглядываясь по сторонам.

— Она слишком маленькая, — ответила я. — Но отсюда великолепный вид, и Трэйси отличная соседка. У нас обеих сверхъестественное чутье, и мы сразу понимаем, когда другому необходимо личное пространство. Сегодня она у своего бойфренда.

Я улыбнулась.

— Есть хочешь?

— Просто умираю с голоду, — признался Кэйд.

— Это хорошо. — Я бросила взгляд на настенные часы. — Ужин будет готов примерно в пять минут восьмого. Надеюсь, ты продержишься до этого времени.

Кэйд весело улыбнулся.

— В чем дело?

— Мне нравится то, как ты говоришь.

— То, как я говорю?

Его улыбка стала еще шире.

— Пять минут восьмого. Никто никогда так не говорит.

— О! — Я тоже улыбнулась. — Когда тебя воспитывают бабушка и дедушка, то именно так ты и говоришь. Мы обязательно ужинали по расписанию, и у нас в комнате стоял диван-кровать. — Я рассмеялась. — Я могу продолжать бесконечно.

— Забавно, — заметил Кэйд.

— Ну, — я заглянула в духовку, — это не так забавно, когда в шестом классе на игровой площадке ты произносишь: «Какой вздор!» — и потом вся школа до конца учебного года над тобой потешается.

У Кэйда на лице появилось удивленное выражение:

— «Какой вздор!», значит?

— Ага.

Он снял куртку, повесил ее на крючок возле двери и уселся на стул. Я взяла несколько листочков базилика из холодильника и вдруг почувствовала, что совершенно не готова к приходу гостя. Что, если я пересолила мясо? И не слишком ли вялым был салат?

Я сообразила, что забыла налить нам вина, и взяла бутылку бордо.

— Не знаю наверняка, насколько оно качественное. Мне его подарили.

Кэйд внимательно изучил этикетку:

— Думаю, мы сейчас это выясним.

Я нашла штопор и постаралась как можно аккуратнее вернуть его в пробку. Но стоило мне потянуть штопор вверх, как пробка треснула и сломалась.

— Проклятье! — зашипела я, делая шаг назад. — По-моему, я все испортила.

— Сейчас мы это исправим, — успокоил меня Кэйд. — Зубочистка у тебя найдется?

— Зубочистка?

— Да. Моя тетя научила меня одному фокусу, который помогает при любых неудачах с винными пробками.

Я улыбнулась, порылась в ящике со столовыми приборами и нашла баночку с зубочистками, оставшимися после провалившейся попытки Трэйси приготовить мясные мини-шарики на шпажках для вечеринки в прошлом месяце. Я протянула зубочистки Кэйду.

— Отлично, — одобрил он, принимаясь за работу. — Вот смотри, как это делается: пока пробка еще в бутылке, втыкаешь в нее зубочистку под углом сорок пять градусов. — Руки Кэйда двигались ловко и уверенно. — Очень осторожно вытаскиваешь пробку и... — он вытащил абсолютно не раскрошившуюся пробку из бутылки, — вуаля!

— Потрясающе. — Я улыбнулась, налила два бокала и передала один ему.

Кэйд поднес бокал к уху.

— Это хорошее вино.

— Ты его слушаешь? — уточнила я, несколько сконфуженная.

— Точно, — ответил он. — Я ничего не знаю о вине. Но один из моих друзей, который работает в этой отрасли, объяснил мне, что хорошее вино, особенно французское красное, будет немного потрескивать после того, как его налили в бокал.

Я поднесла бокал к уху и улыбнулась.

— А знаешь, я действительно слышу треск, — сказала я. — Никогда в жизни ни о чем подобном не слышала.

— Хруст, треск, щелканье... «Гренаш-блан».

— Ты забавный.

Кэйд подмигнул:

— Держись меня, детка, и будешь хохотать так, что живот надорвешь.

Я усмехнулась, достала из шкафчика две обеденные тарелки. Одна моя часть думала: «Кто этот парень или, если говорить точнее, за кого он себя принимает?» А другая часть гадала: где он был всю мою жизнь?

Кэйд сделал глоток вина и подошел к окну.

— Мне никогда не надоедает смотреть на паромы, — призналась я. — Знаешь, у каждого из них свой характер.

Он повернулся ко мне:

— В самом деле?

— Да. — Я указала на посудину, плывшую со скоростью улитки. — Это «Берта». Она любит командовать.

[Купить полную версию книги](#)

Mazzy Star — американская музыкальная группа, исполняющая дрим-поп, психоделический рок, фолк-музыку и шугейзинг, один из жанров альтернативного рока. *(Здесь и далее примечания переводчика.)*

«Растворяюсь в тебе» *(англ.)*.

Soundgarden — американская рок-группа из Сиэтла, образованная в 1984 году, играющая в стиле гранж. Распалась в 1997 году, воссоединилась в 2010-м.

Эдди Веддер (Эдвард Луис Северсон III) — музыкант, лидер, вокалист и гитарист группы Pearl Jam.

Nirvana — американская рок-группа, созданная вокалистом и гитаристом Куртом Кобейном и басистом Кристофом Новоселичем в 1987 году. Недолгая, но яркая история группы прервалась в связи со смертью Кобейна в апреле 1994 года. Он злоупотреблял героином и застрелился из дробовика.

«Серенада лунного света» (англ.).

Биг-Сур — малонаселенный район побережья центральной Калифорнии, где горный хребет Санта-Лусия резко повышается от Тихого океана. Виды этой местности очень живописны, что делает Биг-Сур популярным среди туристов.

«С днем рождения» *(англ.)*.

Стиви Никс — американская певица и автор песен, наиболее известная как лицо и голос группы Fleetwood Mac.

Fleetwood Mac — влиятельная и коммерчески успешная британо-американская группа. Жанры — блюз, блюз-рок, рок, поп-рок, софт-рок. Работает до сих пор.

«Цыганка» (англ.).

Grateful Dead — американская рок-группа с фронтменом Джерри Гарсией, основанная в 1965 году в Сан-Франциско. Группа известна своим уникальным и эклектичным стилем и длительными импровизациями на концертах. В 2015 году группа отыграла прощальный концерт.

«Летней порой» *(англ.)*

Тише, малыш... *(англ.)*

Не плачь *(англ.)*.

NASDAQ — американская биржа, специализирующаяся на акциях высокотехнологичных компаний. Одна из трех основных фондовых бирж США.

Guns N'Roses — американская хард-рок-группа из Лос-Анджелеса, сформированная в 1985 году.

The Mamas & the Papas — американский музыкальный коллектив второй половины 1960-х годов, состоявший из двух певцов и двух певиц, просуществовавший около трех лет и создавший за это время несколько хитов.

Crosby, Stills, Nash & Young — музыкальный коллектив из числа супергрупп, работающий преимущественно в стиле фолк-рок.

«Счастливы вместе» (англ.).

The Turtles — американская поп-рок-группа, образовавшаяся в Калифорнии в 1963 году. Исполняла мелодичные песни с элементами фолк-рока и мягкой психоделики. Международную известность группе принес хит *Happy Together*, возглавивший американские списки в 1967 году.

Pearl Jam — одна из четырех ключевых групп музыкального движения гранж. Под этим названием выступает с 1991 года. Группа до сих пор продолжает выпускать альбомы. В 2017 году попала в Зал славы рок-н-ролла.

The Breeders — американская группа альтернативного рока, образованная в 1988 году в Бостоне, штат Массачусетс. За 20 лет группа много раз меняла состав и выпустила всего 4 альбома.

Кимберли Энн Дил — американская певица и музыкант, наиболее известная как бас-гитаристка альтернативной рок-группы Pixies и гитаристка и вокалистка в девичьей инди-группе The Breeders.

The Pixies — американская альтернативная рок-группа, образовавшаяся в Бостоне, штат Массачусетс, в 1986 году. В США группа никогда не была сверхуспешной и первые годы даже не издавалась на родине, однако получила восторженный прием в Великобритании и в целом по Европе. Группа распалась в 1993 году из-за сильных внутренних разногласий, но воссоединилась в 2004 году.